

Фолькмар Вайс

ИДЕЯ УЛУЧШЕНИЯ РАСЫ

Предыстория арийской родословной

Часть I

Так называемое доказательство чистоты крови

Уже 7 апреля 1933 года Вильгельм Фрик (родился в 1877 - казнен в 1946), имперский министр внутренних дел коалиционного правительства во главе с Гитлером, издал «Закон о восстановлении профессионального чиновничества». «Арийская родословная», восходящая к 1800 году, требовавшаяся от чиновников в соответствии с этим законом, сделала генеалогию жизненно важным политическим вопросом для отдельных людей, которых это коснулось, и центральным вопросом для общества. От высших чинов СС требовалось предоставлять даже «большую родословную» до 1750 года. Для самих специалистов по генеалогии требование о предъявлении родословных оказалось, без сомнения, беспрецедентным в своем роде импульсом к активной деятельности и поддерживаемым на государственном уровне растущим интересом к семейным хроникам, который – кроме того, в ситуации экономического кризиса – прекрасно подходил для того, чтобы, по крайней мере, вначале отодвинуть критические вопросы на второстепенную позицию. Интересу к семейной хронике в большой степени способствовал также «Имперский закон о наследственных крестьянских дворах» от 29.9.1933, который регулировал право единонаследия, гарантируя пожизненное право на владение и передачу по наследству крестьянских дворов площадью от 7,5 до 125 гектаров, и воздавал должное семейным традициям. То, что оба закона могли быть изданы так быстро и практически сразу после прихода национал-социалистов к власти, позволяет сделать вывод о том, что их идейное содержание было сформировано еще до 1933 года.

Ввиду политического значения, которое приобрела генеалогия в период с 1933 по 1945 годы, удивительно, что специализирующиеся на этом периоде историки так долго не обращали внимания на эту тему, пока недавно не появилась работа, определившая направление для любых последующих и развивающих эту тему исследований. Причина столь долгого отсутствия надлежащего внимания может состоять в том, что исторические исследования этого времени часто

начинаются с личности Адольфа Гитлера. Но сам Гитлер, который был открытым противником семейственности, мало интересовался своими собственными предками и – в отличие от Гимmlера – никогда лично не посещал ни Имперское управление генеалогии, ни генеалогическую картотеку. Более глубокое понимание ситуации можно получить только обратив внимание на обоих дипломированных агрономов Рихарда Вальтера Дарре (1895-1953) и Генриха Гимmlера, и на их роль в национал-социалистической верхушке.

Если задать вопрос, почему специалисты по генеалогии даже после 1945 года внесли столь малый вклад в освещение своей собственной истории, то, вероятно, объяснение может состоять в том, что, пожалуй, все ведущие немецкие генеалоги пятидесятых годов изучили свое ремесло еще до 1945 года, и что все они – независимо от того, в одобряющем ли воодушевлении или с критической позицией – хотя бы однажды подписывали или должны были подписывать свои письма «Хайль Гитлер!». Лишь уже у более позднего поколения возникла необходимая историческая дистанция.

Об исходных духовных позициях частично связанных с национал-социализмом, частично отклоняющихся от него направлений, написано, также с точки зрения непосредственно примыкающих к ним областей знаний, как например, генетики человека и демографии, значительное количество содержательных работ, главные выводы которых нам здесь не нужно снова обобщать и повторять. В дальнейшем речь у нас пойдет о специфическом вкладе генеалогии.

Немецкая буржуазия и ее конкуренты

То, что до девятнадцатого века включительно генеалогия занималась преимущественно дворянскими родами, является практически уже общеизвестным фактом. При замещении сословного общества буржуазным обществом, построенном на личной конкуренции, возникли предпосылки также и для генеалогии буржуазии. Уже первые учебники и введения к ним, например, в работе 1897 года директора школы в Бреслау Бруно Лейшнера, содержат бланк родословной, в том самом виде, в котором мы найдем его позже в 1933 году в «арийской» родословной (в 1897 году только без официальной легализующей отметки). *«Теплое чувство к истории отцовского дома одновременно является самой плодородной почвой для патриотизма»*, писал Лейшнер (впоследствии, в 1905 году, он стал членом Лейпцигского Центрального бюро).

Так как в адрес уже существовавших генеалогических сообществ, таких как «Герольд» в Берлине и «Орел» в Вене, высказывались упреки в том, что *они пренебрегают «простыми людьми и отдают предпочтение дворянству»*, 28 ноября 1901 года учитель гимназии в Дрездене доктор Герман Унбешайд (1847-1915) обратился к доктору Бернхарду Кёрнеру (1875-1952) в Берлине с просьбой *«подписать призыв к основанию сообщества, которое должно было, прежде всего, заняться исследованием старых буржуазных родов»*. Так 15 декабря 1902 года был основан дрезденский генеалогический союз «Роланд», который уже в начале 1904 года насчитывал 430 членов. После этого быстро возникли аналогичные местные группы в Лейпциге, Магдебурге, Гамбурге, Потсдаме, Нюрнберге и 21 декабря 1904 года также в Берлине.

«Решением от 4 марта 1913 года местная группа в Берлине... стала самостоятельной и избрала себе название «Немецкий Роланд, союз немецко-национальной генеалогии в Берлине»... Председателем его стал доктор Кёрнер; его заместитель господин Гельдер добровольно ушел со своего поста, после того как женился на даме польского происхождения... Уже при его первом руководителе докторе Клемме в 1904 году, так же, как и при его преемнике советнике по вопросам строительства Кёне Берлинский кружок носил явный национальный характер. Евреев в него принципиально не принимали, позже было также введено предоставление доказательства чистоты крови, которое исключало любую примесь еврейской или цветной крови... На 'Немецких съездах' немецко-национальных союзов... «Немецкий Роланд» был официально представлен его председателем в качестве исключительно немецко-национального сообщества».

Кёрнер сам разрывался между восхищением старым дворянством и презрением к нему же. Он взял на себя издание «Генеалогического справочника буржуазных семей» (каждый год выходил новый его том), и уже его предисловие в первом изданном им в 1902 году томе следовало понимать как вызов на бой со стороны носителя буржуазных ценностей личных достижений: *«С понятием «аристократии» связано представление о том, что якобы существует наследование детьми положительных качеств их отцов. Но эти положительные качества могут быть только достоинствами... таланта: материальные преимущества могут лишь способствовать образованию отдельного человека, а также, если они переходят по наследству, родов... Не только Круппу, Борзигу, но и министрам, чиновникам и офицерам не требовалось 'дворянство', чтобы добиться достигнутого ими социального положения».*

Однако это только одна сторона личности Кёрнера, а основная идейная позиция другой его стороны становится нам понятной из нескольких фраз, которые мы можем прочитать у Гвидо Листа (1848-1919), человека, которого специалисты, наряду с сотрудничавшим с ним Адольфом Ланцем (1874-1955), рассматривают в качестве исходного пункта национал-социалистических идей: *«Как мы, арио-германцы, как немцы можем снова восстановить род, продемонстрировал нам практическим способом современный арман, правительственный советник доктор права Кёрнер в Берлине – которому мы за это весьма благодарны – создавший 'Генеалогический справочник буржуазных семей как Немецкую родовую книгу' наряду с известными 'Готскими ежегодниками' (дворянских родов)... С необычным усердием, большим умением и вполне обоснованными профессиональными знаниями он сформулировал семейную хронику и семейное расширение большого числа немецких буржуазных семей и таким образом создал фундамент для новой генеалогической науки, из которой, надо надеяться, вскоре выкристаллизуется новая, осознающая свою силу, классификация родов, чтобы родить арио-германскую аристократию будущего, которая должна быть не больше, не меньше чем воскресшей арио-германско-немецкой благородной расой людей-господ».* Для Листа «род людей-господ» представляет собой «второй уровень областной конституции», которая с помощью «строго соблюдающихся законов об иностранцах» должна сдерживать «иезуитов, плутократический иудаизм» и – «Большую интернациональную партию». Только немногие могли бы в то время поверить, что такая терминология когда-либо может сделать историю.

Другим местом кристаллизации буржуазной генеалогии был Лейпциг, где купец Йохан Юльцен-Баркхаузен 17 ноября 1902 года в конце заседания «Немецкого общества исследования отечественной истории и древностей в Лейпциге» представил нескольким членам этого общества проект «Призыва ко всем генеалогам Германии» для основания Центрального бюро. У некоторых людей из элиты «Общества» его предложение вызвало лишь сочувственную улыбку. Заместитель председателя, профессор доктор Герхард Зеелигер (род. в 1860) «считает все это дело совершенно неосуществимым». И у городского библиотекаря профессора доктора Густава Вустманна (род. в 1844) «любое стремление к генеалогии наталкивается на сильную антипатию. Он уже добился того, что бургомистр принял решение, чтобы на такие запросы – которые очень обременяют архивариуса – вообще больше не отвечали. Также... это движение за генеалогии и исследования родословного дерева сегодня якобы и так уже слишком распространилось». Несмотря на это, 30 ноября 1902 года Юльцен-Баркхаузен, историки профессор доктор Эрих Бранденбург (1868-1946) и доктор Армин

Тилле (1870-1941), адвокат доктор Ганс Брайман (1873-1958) и купец Артур Димпфель встретились в первый раз и приступили к созданию проекта призыва к основанию и проекта «устава союза обоснования и сохранения Центрального бюро немецкой исторической хроники личностей и семей». 16 февраля 1904 года произошло учредительное собрание союза.

Как призыв к созданию сообщества, так и первые годы работы этого Центрального бюро были абсолютно аполитичными. Превалировали технические проблемы создания картотеки и приобретения помещения и денег. В какой мере политические намерения особенно активных в первые годы работы союза людей могли играть роль в их деятельной заинтересованности в развитии генеалогии, мог бы показать только пока еще неосуществленный анализ политических и общественных связей этого руководящего круга. Но даже в случае с Тилли, о котором в одной диссертации утверждается, что он после 1907 года в Дрездене на должности члена правления Всегерманского союза оказался *«последовательным сторонником решительного националистического расистского курса руководства союза»*, никакие явные политические намерения в его деятельности в Центральном бюро не были подтверждены. Например, его статьи во втором выпуске бюллетеней Центрального бюро (1906) о «Генеалогических источниках» (стр. 41-64) и «Лейпцигских надгробных речах» (стр. 65-127) написаны в серьезном и объективном духе, который подтверждается также и его последующей профессиональной карьерой. Без сомнения, руководство Центрального бюро находилось в буржуазном лагере и состояло из людей, пристально следивших за политическими процессами. *«После нынешнего шумного и тревожного времени выборов в Рейхстаг (сегодня перебаллотировка между Хассе и Моттелером) следует мобилизовать дневную прессу и другие органы союза»*, отмечал, например, Юльцен-Баркхаусен 23 июня 1903 года. Депутат Рейхстага профессор доктор Эрнст Хассе (1846-1908), в 1893-1908 годах председатель Всегерманского союза во всей империи, был также самой выдающейся личностью в первом списке членов Центрального бюро в 1905 году, в котором среди 243 человек было представлено 34 дворянина.

«Регенерация может получить мощную поддержку, если немцы снова вспомнят о ценности сохранения семьи и ответственности за нее, если они снова осознают, что человек является не отдельным существом самим по себе, а физическим и духовным результатом долгого предшествовавшего ему ряда предков, так же, как и он в свою очередь тоже... должен передать по наследству свою лучшую суть. В этом моменте познания генеалогия и забота о семье становятся очень важной национальной ценностью», констатировал Филипп Штауфф (1876-1923)

в 1912 году, и он же в своей «Немецкой книге обороны», которая была чем-то вроде справочного пособия для национальных («фёлькише») организаций, упомянул также «Роланд» и Лейпцигское Центральное бюро и указал *«особенно на «Генеалогический справочник буржуазных семей» правительственного советника доктора Бернхарда Кёрнера»*. Лейпцигское Центральное бюро, по мнению Штауффа, заслужило это упоминание в Книге обороны не своими особенными действиями, а уже одним только своим деловым поручением. В «Семиготе» (титульный лист со свастикой) речь заходит уже дальше: *«В Германии уже есть большие сообщества, идеал которых – германская чистота расы... Особенно растёт неуважение к тому дворянству, которое из материальных эгоистичных мотивов вступает в связи с современной иудократией... Но так как в этих вопросах... царит большая путаница, то ведомство 'советника по генеалогии при главе государства', которое еще предстоит создать, было объявлено, вероятно, самым важным государственным ведомством»*.

Молодое поколение, выросшее в стране, в которой уже на протяжении десятилетий война не считается средством защиты и реализации национальных интересов, видимо склонно совершенно неверно оценивать политическую ситуацию эпохи, предшествовавшей 1914 году, и, например, уже только из одного членства Хассе и Тилле в Центральном бюро может сделать вывод о том, что уже здесь готовился духовный путь к 1933 и 1942 годам. Тем не менее, гонка вооружений и готовность к обороне на случай ближайшей войны были в 1900-х годах для всех европейских государств само собой разумеющимся делом, и для пангерманистов и националистов («фёлькише») главным было, чтобы Германия смогла победить в этой войне, начало которой было в их представлении только вопросом времени. Победоносные войны в то время – и ведь как раз так и произошло впоследствии в 1918 году в ущерб Германии и Австрии – почти всегда были связаны с изменением границ. Подобные взгляды, планы и национальные организации существовали также во всех соседних государствах. Немецкие школьные союзы порой были только ответом на национальные стремления чехов, словенцев, итальянцев и других соседних народов, которые со своей стороны часто создавали действительно агрессивные союзы, чтобы добиться для себя национального равноправия и потеснить употребление немецкого языка в административном управлении и образовании. Поэтому употребление немецкого языка в государственной администрации и школах особенно сокращалось в Австро-Венгрии Габсбургов, из-за чего среди австрийских немцев еще до 1914 года проявлялись вполне заметные политические стремления к воссоединению с Германской империей. Такой уважаемый человек как Хассе был в политиче-

ском отношении национал-либералом, а в профессиональном смысле незаурядным ученым, но вовсе не был при этом антисемитом.

Если мы хотим приблизиться к образу мыслей таких людей как Кёрнер и тем самым к более близкой предыстории 1933 года, мы должны провести исследования в поисках корней антисемитизма. Любое население, которое хочет сохранить свое собственное существование и не раствориться среди других народов, тем или иным способом защищается от численного превосходства чужих иммигрантов. Во всех культурах евреи когда-либо были чужаками-иммигрантами, которые из-за своей своеобразной религии мало были расположены растворяться в местном населении. Поэтому у всех народов и культур существовали особенные правила для евреев и обращения с ними, и антисемитизм отнюдь не был проблемой, придуманной немцами. Тем не менее, мы должны констатировать тот факт, что в Центральной Европе к 1942 году антисемитизм достиг беспрецедентной по масштабам радикализации. Как в преддверии этих событий дошло дело до «арийской родословной»?

Критически настроенные современники, естественно, тоже задавали этот вопрос. Хольфельд (1888-1950) считал: *«Доказательство арийского происхождения, которого требуют сегодня в Германии в качестве предпосылки почти любой важной профессиональной деятельности, как основу принадлежности к народу и государству, армии и партии, зря считается революционным нововведением. На самом деле оно является возобновлением обычая, который документально прослеживается до раннего средневековья... В средневековье предпосылкой к тому, чтобы занять королевский трон, было происхождение от благородно-свободных, династических родов, условием принадлежности к рыцарскому сословию было доказательство происхождения от четырех поколений предков, принадлежащих к рыцарям, а необходимым условием вступления в сословие буржуазии и ремесленников было документальное доказательство происхождения от родителей немецкой крови и рождения в браке. Этих взглядов не только придерживались примерно до конца восемнадцатого столетия, но даже число предков, которых нужно было подтвердить, увеличилось с четырех до шестидцати, они со строгостью проверялись специальными комиссиями, и вступление в сословие допускалось только на основании 'клятв' безупречных свидетелей. Общностью, которая таким способом защищалась от проникновения инородных или социально нежелательных элементов, было сословие».* При этом верно, что вплоть до начального периода Нового времени для принятия в цех (гильдию) и тем самым также для получения права горожанина от претендентов, не родившихся в данном городе, требовалось «письмо о рождении», подтверждавшее

рождение в законном браке и то, что данный претендент не является человеком «нечестного или вендского» (славянского) происхождения. На востоке Германии тем самым славяне исключались из общества, с евреями дело так или иначе обстояло аналогичным образом. Но если просто сдвинуть этим способом происхождение «арийской» родословной в средневековье, это, все же, слишком сильно преуменьшит серьезность проблемы. Почему же после конца сословного общества произошел этот возврат к средневековью?

Для буржуазных либералов, которые хотели оценивать человека по его собственным достижениям, а не по его принадлежности к сословию, в котором он был рожден, положение евреев в 1800-х годах было нестерпимо несправедливой ситуацией, которую следовало исправить, и которую шаг за шагом исправляли. У этой эмансипации евреев были свои последствия: У еврейских семей, которые на протяжении веков часто могли обеспечивать свое скромное существование только тяжелым трудом и деловитостью, были дети, которые часто были очень умны, и теперь они со все более сильным напором проникали в средние и высшие учебные заведения и вместе с тем также в определенные большие города. Целью их путешествий часто были Вена или Берлин – и в одном Берлине жила треть всех евреев Германской империи. В Берлине общее число еврейского населения за полвека с 1850 по 1900 год выросло с 9600 до 106 000 человек, в Вене с 2000 до 147 000 (и до 175 000 в 1910 году). Среди высокоразвитых промышленных стран Европы больше всего евреев жили именно в Германии и Австрии. Уже в 1879 году профессор Генрих фон Трейчке (1834-1896) писал: *«Число евреев в Западной Европе настолько незначительно, что они не могут оказывать ощутимого влияния на национальную культуру; но через нашу восточную границу из года в год из неистощимой польской колыбели напирает толпа целеустремленных молодых людей, торговцев брюками, дети и внуки которых когда-нибудь овладеют биржами Германии и газетами; это переселение заметно растет, и все более серьезным становится вопрос, как сможем мы сплавить эту чужую народность с нашей».*

Многие евреи приезжали из Галиции и соседних российских губерний, чтобы избежать усиливающихся там антиеврейских настроений, доходивших до погромов. Следовательно, многие евреи в Германии были с точки зрения международного права иностранцами (в Лейпциге даже почти три четверти). В то время как доля евреев в Германской империи составляла примерно 1%, непосредственно до 1933 года в Берлине 4,3% населения составляли евреи (в районе Шарлоттенбург 17%; в Вене 9%) и в целом евреями были примерно 10%

всех врачей и 16% адвокатов (в Берлине половина); в банках доля еврейских фирм составляла 45%.

Россия в 1887 году ввела для евреев процентную норму для обучения в гимназии – 10% от общего количества учеников, что стало еще одной причиной эмиграции для стремящихся к получению образования евреев. В Берлине, напротив, уже в 1890 году 25% еврейских детей посещали полную среднюю школу, следовательно, старшие классы берлинских гимназий на одну треть состояли из евреев. Уже в 1885 году каждый восьмой студент в Берлине был евреем. В 1905-1906 годах 25% всех студентов-юристов и студентов-медиков в немецких университетах были евреями, в Вене в 1884 году уже почти половина. В 1929 году средний доход берлинских евреев был примерно вдвое выше среднего дохода других горожан. *«Как солнце идет Израиль через Европу, куда он приходит, там произрастает новая жизнь, а откуда он уходит, там разлагается все, что до сих пор цвело»*, писал Вернер Зомбарт в 1911 году. В отличие от него историк Ганс Розенберг приходит к выводу: *«Современный антисемитизм Центральной Европы вырос из специфических исторических обстоятельств, которые относятся к побочным продуктам или сопутствующим явлениям Промышленной революции. По своему происхождению он был начавшимся сравнительно поздно неоднородным движением сопротивления, направленным против влиятельного, воспринимавшегося как могущественное, часто как иностранное господство экономического, общественного и политического положения, которого смогла добиться очень значительная часть еврейского меньшинства... со времени законного санкционирования формального равноправия»*.

Хотя рынок вакансий для людей с высшим образованием в 1900-х годах непрерывно увеличивался, но предложение претендентов, как правило, превышало спрос. Тот, кому лично трудно было найти себе работу или удержаться на плаву как человеку свободной профессии или предпринимателю, часто видел причину этого в еврейской конкуренции. В Вене студенческая корпорация «Либертас» в 1878 году приняла решение об изменении своего устава, согласно которому принимать в корпорацию теперь можно было только немцев. Евреи, даже если они были крещеными, немцами не считались. В 1880 году в Праге евреев исключили из студенческого союза «Немецкая высшая школа». Венская студенческая корпорация «Силезия» уже в 1883 году хвалилась тем, что стала первым «арийским» сообществом, в Граце такой же корпорацией была «Штирия». Первый Венский гимнастический союз включил 3 марта 1887 года в свой устав следующее положение: «Членами союза могут быть только немцы (арийского происхождения)».

«Как и вообще в Германии, также и в немецком студенчестве национальная мысль выросла из антисемитского движения. Это было во время после войны 1870-1871 годов. В период грюндерства поднялись силы, которых не знали раньше: пресса и биржа. Но носители этих сил, которые все более отчетливо давали почувствовать свою власть, были евреями. Было ясно, что скоро должны были появиться противостоящие течения... Из этого антисемитского движения, которое еще совсем не было национальным в том смысле, как мы понимаем это сегодня, возникали Союзы Немецких студентов... Корпуса (студенческие союзы) решили для себя еврейский вопрос уже после 1880 года (т.е. они больше не принимали некрещеных евреев), землячества последовали за ними в 1894 году и принципиально исключили всех евреев. Дольше продолжалась борьба между антисемитами и филосемитами в студенческой корпорации... Затем во время зимнего семестра 1893-1894 года чрезвычайный съезд студенческих корпораций в Берлине принял решение с этого момента включить в список членов графу «вероисповедание»... Спустя один семестр студенческая корпорация оказалась очищенной от евреев (по принципу вероисповедания, а не расы). Разумеется, тогда еще речь совсем не шла о понимании национального принципа. Причинами этих шагов можно посчитать что угодно, однако ни при каких обстоятельствах стимулом к этому антисемитскому подходу не было усвоение расовых законов... Ибо вся эта борьба вращалась исключительно вокруг религии, в то время как вопросы расы были признаны фундаментально важными лишь значительно позднее. Гораздо дальше уже шло решение, принятое 11 марта 1896 года на открытом студенческом собрании в Вене: 'В самом полном признании фактов, что между арийцами и евреями существует глубокое моральное и физическое различие... сегодняшнее собрание немецких оборонительных студенческих союзов принимает решение: больше не давать евреям права на удовлетворение оружием (право на дуэль – прим. перев.)'. Прошло еще более 24 лет, пока немцы в Германской империи тоже встали на эту точку зрения».

Уже в 1902 году Эрнст Бёме из союза «Киффхойзерфербанд» смог констатировать: «Общественная изоляция еврейских студентов сегодня в основном достигнута. Сегодня все уважаемые союзы школьников средних школ, корпуса, студенческие корпорации, землячества и «цветные» (использующие ленты и головные уборы определенного цвета) гимнастические объединения, а также основная масса «черных» (без лент и головных уборов определенного цвета) объединений, академические гимнастические союзы, певческие кружки и научные сообщества исключают евреев из своего членства».

Исследование конкретного примера убедительно показывает, как примерно с 1911 года евреев шаг за шагом вытесняли из культурно-критического немецкого молодежного движения того времени «Вандерфогель» («Перелетные птицы»). В отличие от австрийских и богемских союзов «Вандерфогель» устав немецкого союза Wandervogel e.V. в то время еще не знал «арийских параграфов». Радикальные антисемиты, такие как Теодор Фрич (1852-1933; Лейпциг), руководитель «Имперского союза молота» («Райхсхаммербунд»), и уже цитировавшийся выше Филипп Штауфф установили контакты с влиятельными членами этого молодежного движения. В октябре 1913 года вышел антисемитский «Еврейский номер» 11 «Вандерфогельфюрерцайтунг» («Газеты руководства «Перелетных птиц»»), изданный Фридрихом Вильгельмом Фульдой (Йена) в издательстве Эриха Маттеса (Лейпциг). Тот, кто посетит сегодня Саксонский главный государственный архив в Дрездене (или посещал его в последние десятилетия), увидит там в вестибюле для посетителей очень удачную, хорошо художественно оформленную настенную карту, где показаны места добычи железной руды и обработки железа в горах Эрцгебирге (Рудные горы) в начальном периоде Нового времени. Только очень немногие могли знать, что пользовавшийся большим уважением и высоко ценимый как серьезный историк-краевед и историк семейных хроник Эрих Маттес, который в старости спокойно жил в ГДР как скромный пенсионер, в молодости был издателем влиятельных трудов Виллибальда Хенчеля (род. в 1858; в его работах «Варуна» и «Миттгарт» пропагандируется идея о «выведении людей» (евгеника – прим. перев.)), Людвига Шемана (1852-1938; переводчик Жозефа Артюра де Гобино), Артура Динтера (1876-1948; «Прегрешение против крови» с тиражами в сотни тысяч экземпляров) и других книг с ярко выраженным расовым антисемитизмом.

Итак, за два или три десятилетия до 1933 года расовый антисемитизм нашел поддержку и понимание в широких кругах академической молодежи. В 1933 году это поколение находилось в том возрасте, когда оно было представлено на многих влиятельных постах. (Следующее молодое поколение было даже еще более активным: захвату власти национал-социалистами 30 января 1933 года предшествовало 21 июля 1931 года, день, когда на Студенческом съезде в Граце Национал-социалистический Немецкий студенческий союз демократическим путем получил большинство в Немецком студенчестве.) В момент, когда религиозный антисемитизм перешел в антисемитизм расовый, было уже недостаточно того, что кто-то был крещеным, а кто-то нет. Требовалось «доказательство чистоты крови». Но вот только «еврейская раса» была в этом отношении фикцией, так как не представлялось возможным, тем более с уверенностью, отличить евреев от немцев только по их внешнему виду. Антисемиты также, естественно,

заметили это, и это казалось им особенно опасным. «Поэтому мы требуем от каждого студента... чтобы он предъявил доказательство чистоты крови, чтобы он своим честным словом поклялся, что он по чести и совести является человеком арийского происхождения. Но достаточно ли этого, может ли это быть достаточным для нас в такое время, когда – к сожалению – только у очень немногих есть ясное представление об истории их предков? Пусть каждый читатель спросит себя, знает ли он имена своих восьми прадедов и прабабушек, знает ли он их вообще? И если он даже и сможет перечислить их имена, то что он знает о происхождении своих предков? Таким образом, кто-то может действительно совершенно честно уверять, что он арийского происхождения, хотя и не является таковым, если он с самого начала не осознает, что не только предки по мужской линии... имеют решающее значение для расовой принадлежности, а что к этому относятся также ряды предков во всей их совокупности. Итак, это значит, что если мы хотим прийти к безупречному доказательству чистоты крови, то мы должны привлечь генеалогию, в частности, ту ее отрасль, которую мы знаем как исследование родословных... И эта генеалогия, ценность которой уже признал первый учредительный съезд представителей студенческих корпораций 'Deutsche Wehrschafft', назвав ее долгом для каждого активного члена. Она должна стать для нас священным долгом, так как мы – союз людей с высшим образованием, и каждый человек с высшим образованием выступает в защиту и поддержку науки, целью которой, в конечном счете, является объяснение этих явлений их естественными предпосылками... Было бы неверно поддаваться распроштанному заблуждению, и, например, делать вывод о национальном происхождении живущего сегодня человека на основании его религии... Так как если большое количество евреев не только говорит на немецком языке, но и перешло в христианскую религию, то эти люди вовсе еще не стали немцами, а по-прежнему остаются гостями нашего народа, с которыми нужно обращаться тем более осторожно, что они предъявляют фальшивые визитные карточки. При этом всегда следует помнить о следующей великолепной параллели, которая... много лет тому назад была опубликована в 'Симплициссимусе': 'Негры в Америке, как известно, не могут плавать на пароходе в каютах первого класса. Однажды, однако, один негр пришел к кассе парохода и потребовал билет в первый класс. Когда кассир обратил его внимание на правила, негр ответил: Вчера я вышел из черной расы.' Мы смеемся над этим негром...; но евреи, которые, как они думают, собираются провести такую же манипуляцию, даже еще пользуются в этом поддержкой большого числа наших соотечественников. Немецкий язык и христианская вера еще отнюдь не составляют немца, и если кто-то полагает, что сможет этими обоими качествами скрыть свою принадлежность к чужой расе, то мы как раз и проследим это в его семье.... Крещения евреев, турок

и негров, к счастью, до девятнадцатого века были настолько большой редкостью, что они еще не представляли опасности для совокупности нашего народа.... Каждый новый член оборонного союза обязуется... до вступления в студенческую корпорацию представить в форме заверенной родословной доказательство, что все его предки, начиная с 1800 года, были свободны от неарийской крови». Итак, вот уже она перед нами, заверенная «арийская» родословная, в 1920 году.

В качестве специальной литературы для необходимой генеалогии этот только что процитированный автор рекомендует «Руководство по практической генеалогии» Эдуарда Хайденрайха, Лейпциг 1913, и книги Эрнста Дефринта (1861-1908), а также книгу карманного формата Фридриха Веккена (1875- пропал без вести в 1946), все они были написаны в среде, окружающей Лейпцигское Центральное бюро, деятельность которого автор описывает в особенно хвалебных тонах, дополняя это описание призывом вступить в Центральное бюро (в конце 1913 года оно насчитывало уже 1147 членов) и передать составленную родословную его архиву.

Но тот, кто из этого сделает вывод, что Центральное бюро еще до Первой мировой войны или во время ее превратилось в гнездо антисемитизма, совершит фундаментальную ошибку. В критическом ретроспективном рассмотрении в 1926 году было правильно отмечено: *«До сих пор чисто историческая генеалогия едва ли включала понятие расы в сферу своих интересов, например, «Руководство по практической генеалогии» Хайденрайха 1913 года не содержит ни одного упоминания о расовых отношениях».* Ни одного упоминания – и ввиду описанного распространения антисемитизма, особенно в академических кругах, также с большой его концентрацией в Лейпциге, это представляется примечательным фактом в истории Центрального бюро.

В рамках такой статьи никто не ждет всей полноты аргументов. В общем можно, однако, констатировать, что примерно с 1900 года в немецкоязычных странах существовало все возрастающее количество организаций, которые требовали от своих членов «доказательства чистоты крови», из чего следовала необходимость проверки, и вместе с тем возникал стимул для генеалогии. Евреям приписывали собственную «расовую душу», которая якобы не менялась при их переходе в христианство и приводила к поведению, несовместимому с немецкой сущностью. Также смешивание еврейской и «арийской крови» рассматривалось как опасное, из-за чего считалось, что «мишлинге» – (метисов, людей с примесью еврейской крови) и крещеных евреев нужно было преследовать и выявлять

с особенным усердием – и генеалогическим методом тоже. Это привело к тому парадоксу, что к моменту, когда ассимиляция евреев усилилась – в 1932 году уже 36% всех немецких евреев сочетались браком с неевреями – также усилилась и их дискриминация.

Рассматривать и доказывать в этом месте также появление понятия «арийской расы», которое было, прежде всего, политическим термином – для различения цветных и евреев с одной стороны и белых неевреев с «арийской» стороны – завело бы нас слишком далеко. Однако критикуя эти взгляды нужно ясно понимать, что под влиянием генетики такие понятия как кровь и раса в европейских языках за последние сто лет претерпели фундаментальные изменения. Люди часто совершают ошибку, когда снисходительно судят о тогдашних пониманиях терминов с точки зрения нашего сегодняшнего их понимания. Когда сто лет назад говорили о «крови», в которой до 1900 года предполагали местонахождение субстанции наследования, то сегодня в этом же смысле обычно говорили бы о «генах». Применение термина «раса» было очень нечетким во всех европейских языках. Под ним могли понимать вид, племя, народ, популяцию или какую-то близкую благодаря «кровному родству» общность (и даже сегодня еще говорят о «человеческой расе» в целом в конфликте с инопланетянами), но также и «расу» в настоящем более узком смысле Физической антропологии. В одной заслуживающей прочтения критической книге 1925 года, например, так говорится о «Dutch and British» (голландцах и британцах) в Южной Африке: «*The relations between the two dominating races...*» («отношения между двумя доминирующими расами»). Сегодня мы все в этом месте говорили бы о «народах» или, если кому-то больше нравится, на научном языке также об «этнических общностях» или «этнусах». В 1920 или 1930 году строгий научный язык в этих вопросах не был ни популярен в народной среде, ни даже широко распространен. Для такого человека, как Гитлер, например, в «Моей борьбе» нечеткость донаучного языка была не только довольно безразличной, но даже предоставляла ему желанную свободу для переменчивого истолкования, так как для него важным было только политическое воздействие его слов.

Научная генетика практически началась только с 1900 года. В Лейпцигском Центральном бюро в первую очередь его председатель Ганс Брайман, который стремился найти партнеров, чтобы тем самым, вероятно, найти новые источники денежных поступлений, еще в 1908 году считал достойным внимания, «что в течение последних лет с ростом естественнонаучных знаний уже со стороны научных специалистов по генеалогии... проявилось стремление соединить полученные исторические познания с биологическими или общими медицинскими

наблюдениями... . Обсуждение появления злокачественных болезней или особых предрасположенностей в рамках семей, наблюдение за жизненной энергией в возрастающем или уменьшающемся количестве детей и в детской смертности, прослеживание истории предков особенно у выдающихся личностей и стремление узнать из коэффициентов гения компоненты его самых главных качеств, точно так же относятся к этому более новому способу рассмотрения». Уже на первом «Курсе генеалогии и изучения наследственности», собранном в 1906 году профессором доктором медицины и доктором философии Робертом Зоммером (1864-1937) в Гиссене, были представлены несколько специалистов по генеалогии – также в качестве докладчиков – после того, как Лейпцигское Центральное бюро в своем циркулярном письме порекомендовало своим членам посетить этот курс. На третьем таком курсе в 1908 году уже было принято единое решение всех участников курса, «согласно которому Лейпцигское Центральное бюро немецкой исторической хроники личностей и семей было объявлено подходящим учреждением для планомерной связи естественнонаучной и генеалогической работы, для сбора сведений о семейных хрониках, и рекомендовалось вступление в него». Компетентность, с которой в ту пору ведущие члены Центрального бюро, например, Эрнст Дефринт, рецензировали и комментировали первые работы о генетике человека, примечательна с точки зрения истории науки. Значение закона генетики популяции Харди-Вайнберга было признано генеалогами раньше, чем настоящими учеными-специалистами. Доктор Вильгельм Вайнберг (1862-1937) стал членом Центрального бюро и даже был избран 26 апреля 1921 года в его руководящий комитет, хоть и не вел в этой организации активной деятельности. Определенным апогеем, но также и окончанием усилий по достижению Центральным бюро большего влияния в этом направлении, стало приглашение Брайману и Эрнсту Рюдину (1874-1952) 22 января 1923 года в Берлин на совещание с ведущими чиновниками нескольких министерств, на котором речь шла о «создании имперского учреждения для генетики человека и демографии», итак практически о подготовке основания более позднего «Института Императора Вильгельма антропологии и генетики». Однако на этом совещании Брайману пришлось принять к сведению, что непосредственный вклад генеалогии оценивался тут скорее как незначительный. Действительно в кругах специалистов в это время произошло определенное отрезвление, после того, как было установлено, что надежды исследователей наследования в течение первых двадцати лет после 1900 часто были основаны на простых предположениях или представлениях. В 1935 году Хольфельд вынужден был констатировать: «Самое большое разочарование, которое вопреки многим ожиданиям готовит генеалогия, состоит в незначительности вклада, который (генеалогия) может внести в исследование наследования. Даже если мы

просмотрим сотни или тысячи родословных, мы сможем обнаружить только не-много случаев, из которых исследователь наследственности мог бы получить материал, пригодный для естественнонаучного применения... Напечатанные родословные в большинстве случаев не содержат никаких сведений о причинах смерти или о наследственных болезнях или же содержат только бессвязные отдельные заметки. Причина... почти всегда в том, что источники молчат об этом... Биологический фактический материал ограничивается по существу данными о рождении, свадьбе и смерти».

Тем не менее, можно было бы представить точку зрения, что Брайман и Центральное бюро с их открытостью по отношению к только что возникшей генетике могут быть причислены к ранним предшественникам Нюрнбергских законов 1935 года. В первом после начала Первой мировой войны номере «Журнала семейных хроник», издававшегося Центральным бюро, были перепечатаны принятые в июне 1914 года в Йене Немецким обществом расовой гигиены основные принципы этого общества, начинавшиеся фразой: *«будущее немецкого народа находится под самой большой угрозой»*. Когда сегодня, три поколения спустя, в 2000-х годах, вы читаете эти написанные в 1914 году тезисы о вероятных поздних последствиях тогда только что начавшегося падения рождаемости, может возникнуть повод задуматься. Также следовало бы заметить, что в Германии и, например, также в скандинавских странах были также социал-демократы, которые становились членами обществ расовой гигиены, что для них тогда было только более широким наименованием социальной гигиены. *«Под расой понимается живущее единство тела народа на протяжении поколений»*, так дословно звучит определение сторонников расовой гигиены в их резолюции 1914 года. Какой специалист по генеалогии хотел бы возразить такому определению «расы»? Но, тем не менее, как уже цитировалось выше, вышедшее в 1913 году в издательстве Г.А. Людвиг Дегенера в двух томах второе издание «Руководства по практической генеалогии» Эдуарда Хайденрайха (1852-1915) (с предисловием профессора доктора Карла Лампрехта из Лейпцига), изданное по инициативе Лейпцигского Центрального бюро, не содержит ни одного упоминания о расовых отношениях. Нет этих упоминаний, в частности, и в статьях в этом сборнике, написанных Робертом Зоммером и Армином Тилле, который для своего времени был весьма дальновиден в отношении социальной истории.

Тоска по крестьянской родине

Последние десятилетия девятнадцатого столетия и годы до 1914 характеризовались беспрецедентной до тех пор экономической и общественной динамикой. Крестьянский характер многих поселений исчезал, и доля крестьян в населении и создании прибавочной стоимости очень сильно уменьшилась. Это, несомненно, было (и остается сейчас) связано с проблемами и опасностями для всего общества, потому возникали противостоящие этому движения, и они пытались задержать или остановить миграцию людей из сел в город также и путем популяризации и объяснения крестьянских традиций и заботы об их сохранении.

Фольклорист Вильгельм Генрих Риль (1823-1897) принадлежал к первым, кто потребовал создания семейных хроник также для буржуа и крестьян. Что касалось деревень, то идея семейной хроники отдельных поселений была ему еще чужда, но уже в 1854 году он потребовал *«спускающейся до отдельных общин характеристики», «след которой повсюду уже почти исчез», т.е. «записей о словии, профессии, характере, обычаях и нравах жителей общин».* Затем был Генрих Зонрай (1859-1948), основанный им «Союз попечения сельской благотворительности и попечения родному краю» и издаваемый этим союзом «Журнал социальных и народных вопросов в деревне. Орган общей сельской благотворительной помощи. Сельская местность», где в 1894 году в статье под заголовком «Крестьянские семейные хроники» было сказано: *«Современное экономическое развитие все больше и больше ослабляет связи семей и родства, и, уже рано отчуждая детей от родного дома, оно порождает опасное чувство безродности и отсутствия корней. Также сельское население не миновало этот процесс разложения... Как средство для укрепления семейных связей «Центральная газета для моравских фермеров» лишь теперь в последнее время снова порекомендовала в крестьянских кругах составление семейных хроник. Потомок не только сможет получить определенные важные советы для своей собственной жизни даже из скромных записей его предков, он еще научится чувствовать себя последним звеном в большом ряду предков».* По поводу этой заметки позднее было опубликовано письмо читателя, где говорилось: *«Мне знакомы ганноверские крестьянские семьи, располагающие написанными семейными хрониками,ходящими до четырнадцатого века... С давних пор я занимаюсь выяснением крестьянских генеалогий... Я был бы очень обязан вам, если бы вы опубликовали просьбу к вашим читателям сообщать вам адреса старых крестьянских родов».* После этого в 1899 году журнал публикует первую методическую статью о крестьянском наследном владении, с несколькими примерами из Голштинии. Затем в 1900 году появляется обширный «Путеводитель», в кото-

рый были включены настолько умные и качественные советы, стимулы и предложения, касающиеся «местной истории» (краеведения) и «деревенского музея», что впервые можно говорить о методическом руководстве с далеко идущими целями. *«Деревенскую хронику и семейную хронику можно проиллюстрировать на примере, которым мы обязаны учителю Асмусу из Цвиллиппа под Кольбергом в Померании. Написанная им **Цвиллиппская хроника** состоит из двух частей: I. Хроника деревни, II. Семейная хроника (хроника родов)... Самые важные заметки для семейной хроники взяты из церковных книг здешнего прихода».* Священник Оберлэндер в Линденау в Заксен-Майнингене сообщает по этому поводу, что он составил семейную хронику своей деревни *«на основании доходящих до 1560 года церковных книг»*, и делает доклады об этом. Священник Г. Маттис из Айвайлера в Эльзасе вносит в библии, которые он дарит молодоженам во время венчания, *«сведения о предках»*.

О том, что священники составлением подушных и семейных списков внесли большой и серьезный вклад в расцвет генеалогии в девятнадцатом веке – и еще раньше даже больший – мы уже намного подробнее писали в другом месте. В 1900 году это развитие достигло такого состояния, что в нескольких местах независимо друг от друга воплощалась идея увековечить в напечатанной книге все население той или иной деревни, как его можно было документально доказать с начала ведения церковных книг. В 1895 году учитель О. К. Неронг обработал епархию Грундхоф в Шлезвиге и использовал для этого также источники из государственных архивов. Его составление начинается с последовательности поколений владельцев домов и дворов и переходит для последних поколений в список семей. В 1908 году крестьянин Ф. Шринерт напечатал семейную хронику его родной деревни Дитфурт/провинция Саксония, а капеллан А. Б. Мака уже в 1902 году осуществил методически безупречную даже по сегодняшним меркам работу. Языком жителей богемской деревни Штруцинек был частично немецкий, так же как и фамилии ее населения, и частично чешский, а сама книга, которую он посвятил своим *«дорогим землякам»*, написана им на чешском языке. Первоначально регистрацию в этой местности вносили в метрики на немецком языке. *«Венская германизация чешского народа победила. Но уже в 1834 году священник Ян Дубравский вел метрики на чешском языке. С этого времени в метриках есть только наш любимый чешский язык»*.

Генеалогия и семейная традиция использовались для укрепления национального самосознания, и в этом не могло быть никакой предосудительной особенности немецкой генеалогии, поэтому тут не нужно возвращаться к ветхозаветным временам. Крестьянская генеалогия имела и имеет ту же самую цель в тот же

самый исторический период также в Норвегии, Фландрии, Англии и в Словении, и это, конечно, можно было бы легко подтвердить документально, если бы существовали написанные ранее работы на эту тему, или если бы они были известны автору.

Дальние цели ставила перед собой работа доктора Вальтера Грэбнера, который обработал в своей картотеке три пастората Остервик, Лихнау и Реетц, т.е. восемь деревень области Кошнайдерия в Западной Пруссии. Под заголовком «Генеалогия и Политика/Мысли и побуждения» он представил в 1910 году план и цели его работы, результаты которой, к сожалению, никогда не были опубликованы, а картотеки считаются пропавшими. *«У границы между немецкими и не-немецкими элементами была расположена местность, которая издревле была «проходным двором»... Источники генеалогической природы, в первую очередь церковные книги и списки из бюро записей гражданского состояния, были занесены в три различные счетные карточки... Карточки изготовлены в двух различных цветах (красном и зеленом) для обоих полов (мужчин и женщин). Карточки, систематизированные по фамилиям, складываются после отдельных браков и родившихся в этих браках детей... . Третья часть относится к собственно генеалогическому исследованию. В первой части он рассматривает генеалогические предпосылки для биологических характеристик жителей Кошнайдерии, вторая посвящена социологической стороне вопроса, появлению и характеристике трех различных сословий... Ко всему приложен атлас, который в первом томе содержит таблицы родословных и семейные древа жителей Кошнайдерии, а во втором томе – фотографии – систематизированные по семьям – и измерения людей. Четвертая часть, которая образует заключительный том, попытается представить историю поколений примерно с 1700 года. Представлены и описаны семь следующих за друг другом поколений. Каждый раз будет показано, что не составит трудностей с применением атласа родословных, как живущее и действующее в определенный момент поколение зависит от предшествующих поколений, как оно воздействует на последующие поколения. Изменения, которым подвергнута совокупность благодаря родству и переселению, смогут быть узнаны генеалогически».* Примерно в то же время доктор Конрад Бранднер (1881-1939) в Штирии приступил к составлению генеалогических таблиц, что затем перешло в работу над «штирийской народной генеалогией». *«Но, тем не менее, генеалогии, которую охватывала бы весь народ какой-либо общины или местности или всей страны, до сих пор нет... Генеалогия показывает... семьям, что они работают на той же земле, обрабатывают тот же участок земли, на котором уже четыреста лет назад их прямые предки проливали свой пот и зараба-*

ывали свой хлеб. Сознание этого, без сомнения, укрепляет любовь к родине и связывает нити между прошлым и настоящим».

«Крестьянская генеалогия» получила большой толчок вследствие того, что баварский христианско-консервативный аграрный политик барон Карл фон Фрайберг (1866-1940) в результате своего личного опыта помещика, депутата и министра, и на основании многочисленных научных исследований пришел к убеждению, что более длительное проживание поколений одного рода на одном и том же крестьянском дворе следует оценивать положительно. *«Потому также и технические успехи привязаны к более дальновидной позиции, чем к позиции временного владельца и с удовольствием и с любовью работают только там, где нынешний владелец может опираться на более длинный ряд поколений в семейной собственности».* В 1927 году Баварский сельскохозяйственный совет впервые вручил давно жившим на одном и том же месте крестьянским семьям документы об их исконной собственности. При непрерывном наследовании двора на протяжении как минимум двухсот лет (безразлично, будь то на сына или на дочь, т.е. без учета наследования фамилии) вручалась почетная грамота. С 1929 года Баварский Христианский крестьянский союз при предоставлении доказательства семейной собственности на протяжении минимум пяти поколений вносил данный крестьянский двор в «Почетную книгу баварского крестьянского сословия». В конце 1928 года в «Тирольской крестьянской газете» появилась статья доктора Ганса Хохенегга, который побуждал Крестьянский союз по баварскому образцу оказать подобным образом честь и тирольским крестьянам. Хохенегг, на протяжении уже пятидесяти лет редактор «Тирольской отечественной газеты» нашел целеустремленного сторонника идеи наследственного крестьянского двора в докторе Людвиге Нойнере из Союза защиты отечества. Союз защиты отечества, Тирольское землячество и Тирольский крестьянский союз хлопотали перед правительством земли о написании закона о наследственном крестьянском дворе, который был затем принят 17 марта 1931 года. Согласно первому проекту закона честь наследственного крестьянского двора могла передаваться по наследству не только по мужской, но и по женской линии. Однако принятый 17.03.1931 закон требовал порядка наследования по мужской линии (и только закон Земли Тироль от 26.09.1957 признал передачу владения по женской линии; с 26 марта 1982 года подобный закон о наследственном крестьянском дворе действует также в Южном Тироле). В 1932 году в Баварии уже более тысячи дворов были зарегистрированы как исконная собственность, в Тироле перед внедрением имперского закона о наследственном крестьянском дворе в 1938 году было уже 462 наследственных крестьянских двора. Эти процессы и стремления до 1933 или до 1938 года не ограничивались

Баварией и Тиродем, на примере которых мы их рассмотрели, но охватывали также и другие области. Претенденты на получение статуса владельца наследственного крестьянского двора должны были подтвердить ряды поколений своих предков на основании церковных книг – и без пропусков, а также историю владения с соответствующими выписками и документами.

Примерно с 1920 года генеалогия на уроках краеведения в школе тоже постепенно заняла свое место в подготовке идеи будущей «народной общности». Так, например, в маленькой книжке с подзаголовком «Развитие идеи общности на школьных занятиях» написано: *«Два, три поколения уже близки деревенскому ребенку в его доме. Начиная с этого, мы и продолжим... Первым заданием было бы создать эскиз родословного древа сельской общины, и оно формировалось бы таким образом: Ребенок мог бы назвать отца, мать, указать дедушек по отцовской и по материнской линии, затем всех дядь и тетей и их детей. Затем к этому добавляются 'дворы', в которых сидят или сидели различные члены этой одной семьи... При этом получают уже отношения родства между целым рядом детей класса. Это то, чего мы хотим... В конце концов, ребенок видит:... Все относятся друг к другу, все – одна семья... Если кто-либо из его предков... приехал из чужих краев и стал местным, его уходящее далеко в прошлое родословное древо молча пропускают».* Здесь нужно также упомянуть врача и поэта Людвиг Финкха (1876-1964) из Гайенхофена в Вюртемберге, члена Лейпцигского Центрального бюро, но одновременно также члена и «Немецкого Роланда», который воздействовал в этом направлении с помощью своих многочисленных маленьких статей и книжек, вместе с растущим числом защитников родного края с их хорошими для любого времени намерениями.

Тем не менее, также в деревне существовали политические течения с антисемитскими позициями. Так, уставы «Средненемецкого крестьянского союза» уже с 1890 года требовали от его членов немецкого происхождения и принадлежности к христианскому вероисповеданию.

Часть II

Историческая или национальная генеалогия?

Семейная историография или исследование родов?

Миллионы солдат и офицерам возвращались после многолетней борьбы, исход которой многие не хотели воспринимать как неизменный – в их числе Гитлер, Дарре, Хольфельд, Гаух, Кёрнер и другие, имена которых были упомянуты в нашем анализе. Они возвращались в мирную жизнь, которая – по их опыту – должна была в то же время означать для них подготовку к новой войне. По мнению национальных кругов, социалисты, коммунисты и перечисляемые одним махом с ними евреи сыграли огромную роль в военном поражении Центральных держав. *«Существовало стремление просто оставить без внимания ту важную роль, которую сыграли еврейские интеллигенты в СДПГ и КППГ, и тем самым пренебречь реальной и объективной причиной роста антисемитизма во время и после Первой мировой войны. Многие немцы ошибочно предполагали, что видные еврейские интеллигенты отражали политическую позицию большинства немецких евреев, и именно это распространённое ошибочное восприятие оказалось в политическом отношении самым опасным для еврейского меньшинства... Поддержка левых идей еврейскими политиками и интеллигентами была не просто выдумкой национал-социалистов, а фактом... Еврейские политические руководители вроде Эдуарда Бернштейна и Розы Люксембург были исключительно активны... . Выдающаяся роль евреев в революции 1918 года и в первые годы Веймарской республики неоспорима, и она была очень важной причиной того, что антисемитизм столь усилился в послевоенные годы».*

В двух волнах – в первые послевоенные годы и во время мирового экономического кризиса с 1929 года – произошел рост политической радикализации общества, которая не миновала и генеалогию. Те, кто до 1914 года выступал за более сильное вооружение, в духовном и в военном плане, в том числе пангерманисты и националисты, считали, что ход и исход войны подтвердил правоту их позиции. Потому неудивительно, что их влияние росло среди интересующихся генеалогией, которые до 1918 года почти без исключения не принадлежали к социал-демократическому лагерю. Потому как знак определенной надфракционной солидарности национального лагеря можно рассматривать то, что в 1918 году на Двенадцатом общем собрании Бернхард Кёрнер был избран в исполнительный комитет Лейпцигского Центрального бюро. (Однако он никогда не принимал участия в заседаниях в Лейпциге и уже в 1919 году не был переизбран).

Но уже в 1920 году между Кёрнером и руководящими лицами Лейпцигского Центрального бюро началась ожесточенная и затянувшаяся на несколько лет полемика, вызванная изданным Кёрнером 32-й томом «Немецкой родовой книги», который вышел с двумя свастиками на шмуцтитуле. В своем предисловии к этому тому Кёрнер писал: *«К людям, которые уже много лет назад в ясном понимании будущего заняли четкую позицию относительно определенных вопросов, относится покойный основатель и руководитель Немецкого союза Фридрих Ланге. ... До тех пор пока еврейские властелины, все эти Хирши, Розенфельды, Коны, Каутские, Эйснеры, Мюзамы, Левины и все другие, как бы их ни звали, могли тиранить Германию, нельзя было и подумать о том, чтобы вспомнить о Белой расе. Многие из них симпатизируют еврейским головорезам в России... Мы получили кучу учреждений и ведомств..., но вот Имперского управления генеалогии у нас все еще нет, ... Арийцы всех стран, объединяйтесь!»* Три тесно связанных с Центральным бюро человека, статьи которых вошли в этот том, член правления доктор Карл В. Науманн из Лейпцига, Эрнст Мюллер из Лейпцига (впоследствии городской архивариус), и Петер фон Гебхардт (1888-1947) из Берлина, после этого посчитали уместным добиться у издательства, чтобы в начале книги были включены их заявления о том, что их сотрудничество не является *«политической позицией относительно движения свастики»*. Кёрнер ответил по-своему и порекомендовал членам «Немецкого Роланда», *«у которых есть примесь еврейской или цветной крови или состоящих в браке с женщиной такой крови, обращаться в... здешнюю местную группу Центрального бюро в Лейпциге, которая их, конечно, с удовольствием примет»*.

В 1922 году в номере 3 «Брошюр Центрального бюро немецкой исторической хроники личностей и семей» в статье под заголовком «О новейшей геральдике и генеалогии» появилась весьма жесткая критика идей Кёрнера и Гвидо Листа. Фридрих фон Клокке для этого заполучил в качестве сотрудников профессора доктора Фридриха Филиппи, отставного директора государственного архива (Мюнстер), директора библиотеки доктора Константина Нёрренберга (Дюссельдорф), и доктора Адольфа фон ден Фельдена (Веймар; одновременно члена правления Лейпцигского Центрального бюро). Клокке высказался против *«нового учения о таинственном происхождении гербов из рун и их таинственной передаче из поколения в поколение некими избранными из загадочных «арманских» родов... и арийско-араманского расового вопроса... «Руководство по геральдике» доктора права Бернхарда Кёрнера на самом деле представляет собой продолжение труда по интерпретации магистра Гвидо Листа... . Вместо анонсированных 'строгих научных, основательных исследований'... это только искусство оболыщения 'Путеводителя', что ведет к вздору и сумасбродству... Но также и*

'Немецкий Роланд, Союз национальной генеалогии' в Берлине... усердно и методично занимается жуткой дезориентацией... У хранителей генеалогии как науки исчезает смех, когда они видят, как распространяется чепуха любой окраски и, как она, где только может, сводит на нет их добросовестные усилия».

Благодаря книготорговцу-издателю Дегенеру, который – не без сопротивления даже в Центральном бюро – дальнозорко и энергично выступил за солидную деловую основу, Центральное бюро было в 1921 году включено в договор с Немецкой библиотекой, который гарантировал ему ведущую библиографическую функцию для немецкоязычных стран и вследствие этого очень увеличил его значение. Количество членов Центрального бюро продолжало расти, и появились «особые кружки», т.е. местные группы, в нескольких немецких городах; несколько членов Центрального бюро были в то же время ключевыми фигурами в других генеалогических союзах. На Семнадцатом ежегодном общем собрании Центрального бюро именно представитель особого кружка в Магдебурге Шарр внезапно выступил с собственным предложением состава правления: председатель доктор Венчер – Берлин; заместитель председателя доктор Науман – Лейпциг; секретарь доктор Хольфельд – Лейпциг; заместитель секретаря фон Эренкроок – Магдебург; казначей Шпор – Лейпциг; заместитель казначея Фабиан – Галле. Мы цитируем из протокола: *« Доктор Хольфельд просит об обосновании этого совершенно нового предложения, так как в нем видно явное недоверие к старому правлению. Председатель (Брайман) указывает на зафиксированное в уставе право предложения комиссии и на 'обязательную норму' устава, что переизбирать нужно как минимум одну треть старого правления. Фон Эренкроок в противоположность этому представляет безусловную автономию общего собрания... Фабиан обосновывает предложение местных групп: Центральное бюро достаточно долго наслаждалось преимуществом несменяемости; и нет никакого ущемления заслуг долговременного правления, если теперь будет избрано радикально новое. Состоявшееся в Магдебурге предварительное обсуждение договорилось о делении на две части, так, чтобы Лейпциг должен был бы иметь половину мест в правлении. Вне Лейпцига господствует сильное возбуждение против образа ведения дел и прикрытия, которое это ведение дел всегда получало со стороны правления... . Самое большое значение было возложено... заявителями на доктора Венчера... Заявление соответствовало мнению самых широких кругов... Доктор Венчер: Доминирование Лейпцига нужно ограничить. Определяющим направление желаниям не было уделено внимание... Доктор Хольфельд и доктор Науман заявляют, что не смогут принять участие в правлении, предложенном Шарром.... Фон Эренкроок: Правление нужно*

избрать за две минуты, так как иначе из-за отъезда представителей из Галле приехавшие из других мест члены утратят большинство. Нужно непременно способствовать выбору Венчера, фон Эренкроока и Фабиана». По поручению особых кружков Берлина, Галле и Магдебурга «о представительстве внешних (не из Лейпцига – прим. перев.) членов с помощью полномочий на общем собрании» высказывается Венчер, против очень решительно выступил казначей Дегенер, так как это привело бы «к охоте за голосами»...» «Во время дебатов освещается внутреннее положение, в частности, в особых кружках Дюссельдорфа и Магдебурга. Как особенно большой непорядок воспринимается то, что многие люди, не являющиеся членами Центрального бюро, регулярно принимают участие в заседаниях тамошних особых кружков». После того, как Брайману удалось, к неудовольствию приехавших из других городов членов, растянуть это собрание до одиннадцати часов вечера без действительных новых выборов правления, на 28 июня 1922 было созвано новое общее собрание, на котором на этот раз выступил Маххольц (Магдебург) как уполномоченный местных групп из Берлина и Магдебурга, но вопреки угрозам, «что он сделает доклад, а что будет потом, он не знает», без успеха. Он тщетно предложил, кроме всего прочего выбрать в комиссию Васманнсдорфа из Дюссельдорфа. Был упомянут некий доктор Корсельт, с которым в берлинской местной группе возникли «споры» (в протоколе это слово вычеркнуто и заменено на слово «разногласия»). Наконец, Брайман был пакетным голосованием переизбран на пост председателя, а из предложенных Шарром людей избран был один только фон Эренкроок, да и то на сравнительно маловажный пост заседателя.

При чтении протокола из-за того, что ни одна фраза в нем не говорит ничего об истинных мотивах происходящего, возникает впечатление, будто речь шла лишь об обычной для немцев страсти любой ценой попасть в как можно больше союзов и клубов и заседать в них, не более того. Но если посмотреть список членов «Немецкого Роланда», становится понятно, что люди, которые в 1922 году хотели свергнуть правление Лейпцигского Центрального бюро, были сторонниками Кёрнера. Примерно в это же время в работе как раз находилась «Магдебургская родовая книга» как 39-й том «Немецкой родовой книги». Редактор Эрнст Маххольц и Бернд Кёрнер на Рождество 1922 года благодарили в своем совместном предисловии за «ценную помощь господина правительственного асессора фон Эренкроока за получение информации о местных гербах... и штудиенрата права Адальберта Шарра.» Писатель доктор права Эрих Венчер (1892-1953) как редактор первого тома «Силезской родовой книги» с давних пор поддерживал контакт с Кёрнером (однако, не был членом «Немецкого Роланда»). Во время очень острых политических конфликтов на двухлетнем об-

щем собрании в 1922 году была сделана попытка изменить направление деятельности Центрального бюро, внедрив в него своих людей, и двигаться далее в фарватере национальной генеалогии, весьма употребительная в политической борьбе практика.

Можно исходить из того, что тот, кто вступал в «Немецкий Роланд, союз немецко-национальной генеалогии в Берлине», стремился не только получить контакты для содействия своим генеалогическим исследованиям, так как такие контакты были также в Центральном бюро и в других местах, но, кроме того, ясно понимал политическое направление союза «Немецкий Роланд» и, по меньшей мере, частично симпатизировал этому направлению, пусть даже эта симпатия в разной степени выражалась у разных людей. В 1925 году в бюллетенях этого союза появилась фундаментальная статья о «Пути и цели»: *«Без сомнения «Немецкий Роланд» занимает особое положение среди сообществ в Германии, занимающихся родами, так как он является единственным союзом этого вида, который уделяет основное внимание определенному отбору среди своих приверженцев. Особое значение 'немецкого и арийского происхождения', которое в нем является основной предпосылкой, кажется многим бельмом на глазу. Поэтому «Немецкий Роланд» считается 'антисемитским'... В принципе, «Роланд» не делает здесь ничего другого, что евреи... делают уже на протяжении тысячелетий... Ценное кровное наследие предков, унаследованные качества и задатки остаются без внимания в большинстве случаев. Но «Роланд» именно им-то и придает особое значение... Развитие нельзя задержать!... Исследование родов марширует!... Настоящая аристократия основывается на крови. Поэтому храни твою германскую благородную кровь в чистоте... . Задолго до того как этот древний знак стал играть роль в политической жизни, «Немецкий Роланд» нес свастику».*

В своем выступлении в 1922 году молодой, до тех пор довольно наивный Хольфельд впервые разочаровал националистов-«фёлькише». 8 июля 1924 года он записал в протоколе о заседании правления Центрального бюро: *«По еврейскому вопросу (нападки Кёрнера) следует избегать специальной полемики. Доктор Веккен сделал сообщение, что позиция по отношению к еврейству в нашем органе полностью находится вне рамок наших задач».* В своей первой статье в одном специальном журнале он писал, намекая на союз Кёрнера: *«Во времена политического возбуждения легко стираются границы между наукой и политикой, во вред им обоим. Неясные, дилетантские увлекающиеся умы мечтателей, не имеющие ясного представления о границах и поэтому также и о сущности этих обеих областей, усердно работают над тем, чтобы смешать эти границы и*

из смешивания двух строго отдельных кругов задач сделать кашу неясного энтузиазма, которую они затем называют 'национальной генеалогией'... Требуют исключения из генеалогических союзов всех евреев и прочих инорасовых людей... Я вижу в этой политизации науки варварство... Союзы, которые хотят заниматься научной генеалогией, не могут исключать евреев из сотрудничества... Союз, который стоит на немецко-национальной расовой точке зрения и в соответствии с этим отказывает в членстве или в сотрудничестве исследователям из других рас, это больше не союз генеалогии..., а союз расовой политики».

«Самое острое противоречие» не заставило себя ждать: «Сначала следовало бы констатировать, что Хольфельд под инорасовыми элементами понимает в первую очередь и практически исключительно только евреев... Редакция (Хорншу) проводит проеврейскую пропаганду... Господин Хорншу не дал мне адрес союза в Берлине, который подвергся нападкам со стороны доктора Хольфельда, и назвал этот союз 'маленьким, незначительным в научном плане, но политически очень активным сообществом'».

Бернхард Кёрнер, как и многие члены его союза, принимал активное участие в многочисленных союзах, организациях и в политических партиях, которые образовали настоящую сеть, и в которых в идейном плане готовился 1933 год и захват власти национал-социалистическим объединяющим движением, даже если сам Кёрнер в двадцатые годы отнюдь не был членом НСДАП, а являлся депутатом от Немецко-национальной партии свободы в Прусском ландтаге. Кёрнер осуществлял целенаправленные провокации: В 45-м томе «Немецкой родовой книги» в самом ее начале, так сказать, как идеальный образ, он напечатал фотографию белокурого, с аккуратным пробором, студента-медика Германа Гауха, в форме Добровольческого корпуса, со свастикой на стальном шлеме; обработанная самим Гаухом генеалогическая часть свидетельствует следующее: «родился в 1899... в 1917 году доброволец на войне... В 1918 году из-за тяжелого ранения попал во французский плен... в 1919 году бежал из плена в Германию, Железный крест второй степени... В 1922 году стал членом союза Германская школа, Союза расово-германских поселений, Германской религиозной общины, Общества Эдды, Общества Гвидо Листа, 'Немецкого Роланда'..., Немецко-национального союза защиты и обороны, Кружка Остары и т.п. германских национальных сообществ, доброволец мюнхенского штурмового отряда Национал-социалистической немецкой рабочей партии, и в боевом отряде немецко-национальных летчиков и автомобилистов в Бригаде Эрхардта... Студенческая корпорация Рено-Асгардия». Его старший брат Карл – тоже доброволец Бригады Эрхардта и «секретарь местной группы Баден-Баденского Немецко-

национального союза защиты и обороны». Как раз в предисловии к этому 45-му тому Кёрнер рекомендовал, «прежде всего, книгу доктора Ганса Гюнтера «Расология немецкого народа», Мюнхен, Издательство Й.Ф. Лемана, 1922 год». Именно эта книга оказала самое большое влияние на выросшее из скромных истоков Нордическое движение в Германии. На следующих страницах был напечатан образец устава «объединения немецких, чисто-арийских родов». От членов объединения Кёрнер требовал: «Право на вступление имеет любой немец, который может представить и подтвердить свое родословное древо по мужской линии до 1650 года..., а также доказательство германского происхождения до прадедов и прабабушек, по возможности путем предоставления документов и фотографий... При вступлении в брак это же условие тем же самым образом ставится также другому супругу».

У Кёрнера как человека наверняка был тяжелый характер для ежедневного общения. Его миссионерское рвение было настолько велико, что для кое-кого в его собственном союзе это стало уже чересчур или даже представлялось слишком опасным. «В занимающемся родами союзе хочется насладиться парой часов своего свободного времени, свободного как раз от всего этого гнусного партийного хлама политиканства», писал Кёрнеру 8 февраля 1927 года второй секретарь союза правительственный советник доктор Курт Древиц и предлагал вычеркнуть из наименования союза слово «национальный» («фёлькиш») и убрать свастику с герба. Первый секретарь барон Виперт фон Люцов спрашивал 1 января 1927 года Анца, друга Кёрнера: «В «Немецком Роланде» у нас тоже было где-то с дюжину таких забавных фантазеров... (другие) недалеко ушли от этого... Хотите ли вы политического союза? Хотите ли вы антисемитского союза? Хотите ли вы антииезуитского союза?... Хотите ли вы генеалогического союза?... Хотите ли вы расологического союза? Хотите ли вы союза генетики?... Хотите ли вы боевого и скандального союза? Хотите ли вы ариософского или теософского союза?... Но я думаю, в Германии и так уже есть 20 000 других союзов, которые занимаются теми десятью видами деятельности, что я перечислил выше». Наконец, происходит так, что 28 сентября 1927 года правление «Немецкого Роланда» вычеркивает Кёрнера из списка членов сообщества. Он пишет 42-страничный меморандум, который отправляет всем членам, где он делает вывод, что его исключение не соответствует уставу, так как он является Первым председателем союза, и он снова побеждает с необходимой поддержкой многочисленных членов. Однако Кёрнер все-таки извлек определенный урок из этого конфликта, так как после этого и до 1932 года его предисловия в «Немецкой родовой книге» становятся деловыми и довольно объективными.

Упрощающая точка зрения, согласно которой среди специалистов по генеалогии якобы не было сопротивления против национальной генеалогии, неверна, пусть даже только немногие из генеалогов так четко дистанцировались от часто провокационных предисловий Кёрнера к многотомной «Немецкой родовой книге», как это сделал Петер фон Гебхардт в 1920 году с его включенным в начало 36-го тома «Заявлением». Примечательно также, что написанный неким Карлом Беркханом, обозначившим себя как «книготорговец-издатель из Штутгарта», в 1925 году и опубликованный в «Журнале семейных хроник» «призыв к образованию объединения национальных семейных союзов», не нашел никакого отклика. То, что этот призыв вообще был напечатан в журнале Лейпцигского Центрального бюро, можно отнести на счет тогдашнего редактора доктора Фридриха Веккена, который, хотя он в 1920 году лично спорил с Кёрнером, из-за своего неустойчивого характера все больше превращался в фактор риска для Центрального бюро и все больше вступал в сильные противоречия с Хольфельдом, достигавшим все большего влияния благодаря своим солидным трудам. Впоследствии Веккен вынужден был 11 марта 1927 года уйти из Центрального бюро. 21 мая 1927 года издатель «Журнала улучшения народа и изучения наследственности» книготорговец-издатель Мецлер из Берлина появился на заседании правления Лейпцигского Центрального бюро и предложил объединить свой журнал, выходивший при поддержке государства, с «Журналом семейных хроник». Центральное бюро занялось проверкой предложения, но решение по этому поводу так и не последовало.

В какой мере дух «Немецкого Роланда» Кёрнера воздействовал на региональные союзы, еще предстоит проверить, так как это влияние от случая к случаю было весьма различным, но этот вопрос все еще малоисследован и может быть только задачей самих региональных союзов. На одном конце такой расплывчатой шкалы можно было бы упомянуть основанный в 1927 году «Кружок курпфальцских исследователей родов» (уже само его название является программой). Его председатель доктор Адольф Штолль, затем уже упомянутый выше секретарь Эрхарт Людвиг Анц и казначей доктор Томас Гюнтер – все трое были в союзе Кёрнера. К более позднему, основанному в 1933 году и руководимому Штоллем «Кружку пфальцских исследователей родословных» принадлежал затем тоже уже упомянутый выше доктор Герман Гаух. Национальная активность при этом отнюдь не исключала солидных профессиональных исследований истории родов и семей.

В списке членов Кёрнера мы можем найти, например, также имя доктора Карла Фёрстера (1873-1931), известного всем немецким генеалогам как основателя

системы обмена списками предков, «Картотеки предков немецкого народа» и союза «Общность немецких предков». *«Наш труд покажется некоторым педантичной коллекцией мелких деталей из имен и чисел... Но так как наша картотека предков неизбежно станет описью немецких предков, так и две мысли кристально чистой красоты произрастут из нее: мысль о глубине – уходящие далеко вглубь веков кровные корни каждого отдельного немца...; мысль о широте: мы – один народ, одна большая немецкая семья, узами крови мы связаны друг с другом. И здесь мы нашли образовательный фундамент для новой Германии».*

Фёрстер опубликовал это предчувствие будущей народной общности в «Тюрингер Хайматшпигель» («Тюрингском зеркале родины»), редактор которого Вальтер Трёге особенно усердно и успешно старался накануне 1933 года установить контакты между различными идейными течениями. *«Помни, что ты немец! Правильно понятая генеалогия хочет своим вкладом тоже помочь в этом направлении ради того, чтобы снова достичь восстановления и построения немецкого народа во всей его целостности»,* пишет Трёге в рецензии на напечатанные «Родословные знаменитых мужчин» Лейпцигского Центрального бюро. А в декабре 1932 года Трёге приводит следующие тезисы из доклада о «краеведении и генеалогии» Адольфа Бартельса (1862-1945) родом из Дитмаршена и живущего в Веймаре, *«историка литературы и передового борца национальной идеи»,* со своими комментариями: *«Генеалогией также следует заниматься не из тщеславия, а чтобы служить расе. Генеалогия, которой занимаются правильно, является на самом деле ничем иным, как частью исследования рас, однако, от исследования рас остается лишь один шаг через правильное создание семьи к расовой гигиене, к формированию сильной, энергичной расы. Таким образом, генеалогия имеет значение не только для отдельного человека, но и для всего народа. Доклад был принят с большим одобрением, и многие из слушателей, вероятно, будут смотреть другими глазами на краеведение и генеалогию, которые, может быть, до сих пор, представлялись им простой забавой».*

Вместе с другими генеалогами Центрального бюро, которые в то же время были дипломированными учеными-специалистами, Хольфельд старался сделать дискуссию по-научному конкретной и деловой. Примечательным вкладом в это стали изданные им вместе с Р. Фетчером и Л.Р. Гроте доклады отделения XIIIb 89-го Собрания Немецких натуралистов и врачей в Дюссельдорфе в 1926 году на общую тему «Между естествознанием и историей»: *«В соответствующих книгах и журналах снова и снова раздаются жалобы на то, что термин «раса» или «человеческая раса» используется настолько многозначно, и что снова и снова возникает путаница между расой в узком смысле и языковой общностью, куль-*

турной общностью, народом, нацией или также географическими элементами. В популярной печати, несомненно, беспорядок действительно еще очень велик, и мы снова и снова встречаем такие невозможные понятия, как например, 'славянская раса', 'романский человек', 'нордическая народность', 'германская раса', 'еврейская раса' и т.п. У генеалогии есть четкая задача сделать понятным настоящее из прошлого по их причинно-следственным связям, по меньшей мере, в общих чертах... Но невозможность полностью осознать идею причинности мешает предсказать и тем более указать на будущее твердые пути развивающегося по собственным законам процесса». Это последнее предложение явно противоречит намерениям Дарре и Гиммлера, которыми мы займемся в последней части.

«Пропасть, когда больше нельзя найти никакого понимания, разделяет тех, кого захватила расология, и тех, кто все еще мыслит 'старыми' категориями. И где обосновалась антисемитская формулировка расовой теории, там без всяких раздумий, в страстной ярости как «измена» отвергаются все, даже самые важные возражения, которые могли бы размягчить окаменевшую идеологию... В случае расологии речь идет не о чисто описательном естествознании, не о споре теорий, который ведут ученые чисто научными средствами, а о религиозных убеждениях, которые либо принимаются со всем пафосом веры либо отвергаются», говорится в одной примечательной критике того времени.

Очень правильно резюмировал ситуацию в 1931 году некий оставшийся безымянным, но очень компетентный автор «Немецко-национального катехизиса»: *«В генеалогической области в Германии сегодня есть два направления. Одно, исторически ориентированное, изнуряет себя сбором сохранившегося фактического материала, а другое полагает, что с изучением этих фактов или без него сможет сделать выводы и определить направления для будущих поколений. Это второе направление, которое преследует национальные цели... ставит генеалогию на службу улучшению расы». И специально о Лейпцигском Центральном бюро цитируются слова Петера фон Гебхардта: «... что побеждает осознание того, что национальный радикализм следует отвергнуть также и в области генеалогии».*

Часть III

Захват власти животноводами

Для Бернхарда Кёрнера и его духовных сторонников – смотри часть I – в 1933 году в историю впервые вошло государство, которое совершенно всерьез восприняло требование Ницше *«Не только вширь должен ты расти, но и ввысь!»*, потому что в лице Дарре и Гимmlера на ответственные посты власти попали два животновода. В предисловии к 80-му тому «Немецкой родовой книги» в 1933 году Кёрнер, оглядываясь назад, мог торжествовать: *«На 81-м собрании немецких натуралистов и врачей в Зальцбурге врач доктор медицины Пауль Франце из Бад-Наухайма сделал в 1909 году доклад о 'селекции человека на биологической основе', который в расширенном и переделанном виде был издан в 1910 году в Лейпциге. Сегодняшним исследователям родов и опекунам родов следует несколько более подробно изучить эту работу, которая в свое время не привлекла к себе надлежащего внимания... Отбор создаст национальное, с более высоким качеством населения государство, если он отвергнет стадное заблуждение недавнего прошлого о массах и обратится к идее вождя».*

Приблизительно в 1920 году специалисты наследственной гигиены, которую сегодня называют генетикой человека, пришли к отрезвляющему пониманию того, что исследование наследования многих умственных и физических качеств оказалось гораздо сложнее, чем они надеялись в момент первого наивного воодушевления после 1900 года. Однако интерес к этим вопросам остался непоколебим. В двадцатые годы в Германии вряд ли был хоть один генеалогический союз, который хотя бы однажды не включил эту тематику в повестку дня своих вечерних заседаний. Типичным образцом часто очень объективного и компетентного обращения с данной темой можно назвать доклад доктора Альфреда Бослера о «Расовой гигиене и генеалогии», прочитанный 25 мая 1925 года в «Союзе вюртембергской генеалогии». Типичным примером неослабевающих усилий включить генеалогию и стоящие за ней теоретические знания о наследовании в более широкий смысловой контекст может служить статья «Забота об изучении предков и генеалогии для будущего немецкого народа» Марты Мартиус.

Уже при исследовании наследования признаков внешнего вида, уже при цвете волос и цвете глаз, но еще больше при понятиях «типа» и «расы», методы исследования антропологов и, в особенности, пригодный для исследований иллюстративный материал примерно в 1920 году достигли своих пределов. Фотогра-

фии существовали только за несколько последних десятилетий, надежных записей, пригодных для статистических оценок, было еще меньше или не было вообще. Поэтому напрашивалась мысль собрать такие подходящие для статистического анализа наследственности фотографии, материалы и записи, по крайней мере, для настоящего и будущего, и направить на такое собрание материала генеалогов, воодушевив их. В случае с некоторыми генеалогами такие предложения и стимулы просто ломались в и без того открытые двери. В 1919 году доктор Вальтер Пфайльштикер (Штутгарт) писал: *«Но если бы в нынешнее время начали создание галереи предков, например с обеих пар бабушек и дедушек, и затем по порядку дополняли ее фотографиями потомков, то я убежден, что в сочетании с записями о росте, цвете волос и цвете глаз, особенностях телосложения, осанки, походки и жестов, о форме черепа (измерения черепа!), положении зубов и т.д., то тем самым можно было бы внести ценный вклад в разъяснение вопросов наследования. Мне представляется, что для этого весьма пригодны учреждения вроде Центрального бюро в Лейпциге»*. В послесловии к этой статье редактор пояснял: *«Центральное бюро охотно позаботится также об иллюстративных материалах, которые должны будут прилагаться к генеалогическим таблицам... Следовательно, мы надеемся, что инициативы доктора Пфайльштикера найдут оживленный отклик»*. За этим последовала самая важная книга с инструкциями, в которой эти стремления нашли свое выражение, с предисловием Людвиг Финкха – книга молодого доктора Вальтера Шайдта (1895-1976), в то время ассистента в Антропологическом институте Мюнхенского университета, под названием «Введение в естественнонаучную генеалогию (семейная антропология). С 7 анкетами для внесения наблюдений», она вышла в 1923 году в мюнхенском издательстве Й.Ф. Лемана. 8-я глава книги рассказывает о «Непосредственном антропологическом наблюдении за отдельными членами семьи». Затем в 1924 году в том же издательстве вышла еще «Книга семейной хроники. Инструкция и бланки для создания семейной хроники» Шайдта. В то же самое время результаты генетики человека стали использоваться также и в судебной медицине: в 1926 году в Вене была проведена первая антропологическая экспертиза на предмет сходства, которая должна была в спорных случаях решать вопрос об отце ребенка. Венский Верховный Суд 23 апреля 1931 года постановил, что отсутствие такого наследственно-биологического исследования является недостатком при судебных процессах.

Насколько такие соображения в 1924 году принадлежали к духу времени, доказывает также статья Александра Эльстера, в которой мы читаем: *«Гораздо легче заниматься животноводством, чем выведением людей, и поэтому в животноводстве мы продвинулись намного дальше... Цели и задачи человеческого индиви-*

дуума совсем другие и гораздо более многообразные в социально-экономической окружающей среде, чем при селекции скаковых лошадей и рабочих лошадей... Точное знание семейной хроники, качеств, способностей и особенностей предков объяснило бы оценку не только в единичном случае, но и дало бы понимание человеческой генетики вообще, и тем самым в ее практически-социальном применении, в таких масштабах, которые никогда прежде не считались возможными! Идеалом был бы персональный список народа – это значит список всех жителей, который вели бы так же официально как торговый реестр, список, который точно регистрировал бы не только как сейчас внешнее 'состояние людей', но и их жизненный путь, их состояние здоровья с названием всех заболеваний, их особенности и особенные признаки. Если осуществить это для нескольких поколений... то это сразу продвинуло бы нас вперед в отношении расовой гигиены... Можно было бы увеличить продуктивность... в таких масштабах, о которых никто даже и не подозревал... Так как такого персонального списка нет... то записи, касающиеся генеалогии семей, образуют единственную его замену и одновременно первый этап для создания такого списка».

Приверженцы молодежного движения возвратились с Первой мировой войны, потерпев поражение, и в ответ на это еще сильнее повернулись в сторону того, что они считали ценностью немецкой народности. Хотя молодежное движение второй волны после войны тоже происходило из крупных городов, но оно видело цели своего формирования принципиально вне города. Они путешествовали по сельским местностям Германии, и как центры этого движения возникали «югендбурги» ('молодежные замки'). Первым из молодежных союзов, который сделал своей истинной целью жизнь и труд в деревне, были «Артаманы», основанные в середине двадцатых годов Августом Георгом Кенстлером, трансильванским немцем родом из города Германштадт (по-румынски Сибиу), Бруно Танцманом (род. в 1878 году) и другими. Кенстлер несколько лет издавал маленький и незамеченный широкой общественностью журнал под названием «Кровь и Почва. Ежемесячник за исконное крестьянство, за немецкий склад характера и национальную свободу». Из этого незначительного истока должно было возникнуть идейное движение большой важности и размаха. Когда разразившийся в 1929 году великий экономический кризис исключил из любого процесса производства сначала сотни тысяч, а затем и миллионы рабочих рук, уже существовала идея добровольного труда на земле, которым должны были заниматься большие сообщества, опираясь на базы в виде специальных лагерей. Воплощение этой идеи в большем масштабе не требовало, в крайнем случае, больше чем одной лопаты для одного человека. Летом 1932 года 70 000 человек работали так в Добровольной трудовой повинности. Вытеснение польских

сезонных рабочих на востоке и обеспечение духовным оружием к этому времени стали заявленными целями «Артаманов» и родственных им организаций. Ганс Хольфельдер, один из руководителей «Артаманов», выдвинул требование: «Нам нужна новая аристократия!» Из этого требования к созданию нового связанного с землей руководящего слоя, из примера спартанского наследия («Klaroi») и европейских примеров двадцатых годов Рихард Вальтер Дарре в своей книге «Neuadel aus Blut und Boden» («Новая аристократия из крови и почвы») развил идею «заповедных дворов», которую можно рассматривать как непосредственную идейную подготовку к его более позднему законодательству о наследственном крестьянском дворе.

«Этим я заявляю о моем вступлении в Центральное бюро немецкой исторической хроники личностей и семей и подписываюсь на Журнал семейных хроник», Рихард Вальтер Дарре, кандидат аграрных наук, Галле 29.04.1924, так написано в его бланке регистрации. Как видно из его переписки с Центральным бюро, Дарре был в то время новичком в генеалогии, который беспокоился о своей собственной семейной хронике. Как студент, изучающий агрономию, а потом как начинающий специалист, он из-за неоднократных переездов и смен места работы пребывал тогда в больших денежных затруднениях, из-за чего ему не раз приходилось просить об отсрочке или об уплате в рассрочку своих взносов. Однако доказано, что в 1926 году он абонировал «Журнал семейных хроник», т.е., приобрел тот самый том, в котором штириец Бранднер рассказал о своей «народной генеалогии».

Большое влияние на молодого Дарре оказал в Галле животновод профессор доктор Густав Фрелих (1879-1940), из-за чего Дарре в 1939 году к шестидесятилетию профессора письменно засвидетельствовал ему свою благодарность: *«Все те, кто когда-то принадлежал к ученикам профессора Фрелиха, гордятся стимулами, которые они получили в институте животноводства Университета Мартина Лютера в Виттенберг-Галле... Более того, профессор Фрелих воспитывал в своих учениках национальное и национально-экономическое мышление».* Картина получает свое завершение, когда в биографическом справочнике Германа Дегенера «Кто это» 1922 года мы читаем, что Фрелих был поклонником «генеалогии» (хотя в Лейпцигском Центральном бюро нет его работ). Решающим для Дарре *«в направлении его интереса было учение Хьюстона Стюарта Чемберлена, с которым он освоился сначала больше по случаю во время своей учебы в Галле. Кроме того, ему повезло, что он мог слушать как преподавателя биологии наследования знаменитого ученика Вайссмана, профессора Валентина Хэкера, как преподавателя генетики животноводства профессора Фрелиха и как*

преподавателя генетики растениеводства профессора Рёмера. Это было особенно важно в этом отношении, так как Галле, который был научным центром, придерживавшимся взглядов Дарвина и Менделя, не уделял внимания влиянию Ламарка (учение о среде), и потому давал студентам абсолютно цельное, законченное учение», писал биограф Дарре.

Особенное впечатление на Дарре произвел «Учебник разведения лошадей» Фрёлиха. В нем мы читаем, что в Англии родословные древа скаковых лошадей вели уже с 1727 года. На стр. 455 учебника показан формуляр племенной книги лошадей конного завода в Тракенене, и на стр. 431 рекомендуется «тетрадь для упражнений по созданию родословных» Немецкого общества селекции 1924 года. *«Здесь необходимы ведение селекционной книги и оценка потомства. Родословная только тогда имеет значение, если соответствующие индивидуумы известны по отдельности»,* учит Фрёлих животноводов на стр. 447. Если сравнить теперь формуляры племенной книги лошадей с их требованием точного изображения лошади, измерений и нормативного описания уже чисто внешнего вида животного и его породы, так же, однако, как и происходящих от него животных и по возможности также его предков, и взять в руки появившуюся почти в то же самое время «Книгу семейной хроники» Шайдта для антропологической генеалогии, то аналогия процессов и теоретического обоснования сама собой напрашивается у того, кто будет поражен в первую очередь именно этой аналогией, а не разницей постановки проблемы в случае человека и в случае животного. Дарре, очевидно, попал под воздействие чар этой самой аналогии, когда в 1924 году подал прошение о вступлении в Лейпцигское Центральное бюро. И в том же самом году это же случилось и с Генрихом Гиммлером.

Образование Генриха Гиммлера было подобно образованию Дарре, в 1922 году в Техническом университете в Мюнхене он сдал свой экзамен на дипломированного агронома со средней оценкой 1,7. В Федеральном архиве хранится список книг, которые Гиммлер прочитал в молодости. Под номером 216 в этом списке значится пропагандистская брошюра, прочитанная им 17 сентября 1924 года, с «12 жизненными правилами Немецко-национального союза защиты и обороны». Первое правило гласило: *«Немец... борись в своей семье против любых браков с людьми чужого происхождения... Свастика – это символ расы.»* Гиммлер сделал себе об этом такую пометку: *«Великолепная брошюра. Это новаторская работа. Особенно великолепна, с большой нравственной высотой та ее часть, где сказано, как можно снова улучшить расу».* В то же самое время на руках у Гиммлера (номер 212 в его списке прочитанных книг) был также многотомный учебник «Общего животноводства» Кронахера. Во второй части этого

учебника (1916) на стр. 48 Гиммлер мог прочесть: *«Генеалогический метод занимается установлением предков семьи или прослеживанием определенных признаков и качеств в ряду поколений в обратном направлении. Предназначенная изначально для исследования наследственности у человека, она, особенно там, где из имеющихся в наличии племенных книг можно получить точные цифровые записи и хорошие пригодные фотографии, может дать достаточные сведения о строении тела и свойствах предков-индивидуумов, а также очень ценные, и практически применимые разъяснения также в животноводстве в форме исследования родословного древа»*. Названия глав четвертой части этого учебника (1918) звучат: *«Значение и проверка чистоты породы, Ведение племенной книги, родословной и исследования родословного древа, Оценки по результатам, Оценки по внешнему виду»*. (Забегая вперед, можно сказать, что этот же лексикон мы найдем несколько лет спустя в приказе СС о вступлении в брак и в политических речах Гиммлера). В третьей части этого учебника (1917) на стр. 114 Гиммлер тоже нашел подтверждение того, что *«отдельные расы обнаруживают более или менее сильные различия умственных способностей у принадлежащих к ним индивидуумов»*. Это понимание не было новым для пород животных и соответствует также ежедневным наблюдениям, например, относительно пород собак.

После получения своего диплома Дарре в 1926-1927 годах действительно работал над «Восточно-прусской племенной книгой легких лошадей происхождения из Тракенена» в Инстербурге. Через немного лет, примерно с 1924 по 1931, теперь и в Дарре как в зажигательном стекле произошел синтез различных умственных потоков и влияний, которых мы уже касались в нашей работе. У Дарре были трудности с получением на длительное время работы по специальности. В 1928 году он почти целый год прождал в родительском доме и изложил воздействующие на него влияния и свои собственные соображения в своей книге «Крестьянство как жизненный источник нордической расы», которая – как могло бы быть иначе – вышла в 1929 году в издательстве Й.Ф. Лемана в Мюнхене. Под заголовком «Крестьянство и продолжительный брак как биологическая основа нордической расы» мы читаем в этой книге (на стр. 364 и на следующих страницах): *«В 1793 году в Англии сделали знаменательный шаг и решили в принципе продолжать разведение только проверенных рас лошадей, т.е. не допускать чужую кровь. Все лошади вносились в General Stud-Book ('Общую племенную книгу'), которая является, кстати, старейшей в мире племенной книгой... С основания 'Общей племенной книги' никакая чужая кровь больше не попадала в жилы английских чистокровных лошадей, но беспощадно отбраковываются все кони, которые не выдерживают жесткой проверки своего строе-*

ния на беговой дорожке или обнаруживают дефекты тела... Достигнутый результат уникален... Из вовсе не унифицированной массы лошадей при применении беспощадных проверок результатов отбирается несколько определенных наиболее способных семей, которые со временем образуют настоящую аристократию среди лошадей и могут поддерживаться теперь на высоте своих результатов только путем решительного сохранения в чистоте их наследственного материала, т.е. их крови... Тут автор (т.е. Дарре) полагает, что с этими знаниями о причинах возникновения построенной на результатах чистой породы, мы также можем понять проблемы брака нордической расы в биологическом плане... Если в продолжительном браке нордический двор был в неразделенном виде передан наследнику, и этот наследник был результатом естественного или сознательного выбора среди братьев и сестер, то у нас на руках уже есть все факторы, чтобы сделать понятным шаг от племенного животноводства к выведению высокопородных людей нордической расы». Подобные мыслям Дарре идеи выразил Холле еще в 1919 году: «Насколько ценен отдельный человек для народа в духовном плане не может установить никакая проверка таланта, это проявляется только через испытания на вершине жизни... Образование союзов таких семей, которые сочетаются браком преимущественно только друг с другом, могло бы означать определенную селекцию и привело бы к появлению настоящей аристократии по рождению».

В 1929 году Дарре был приглашен архитектором Паулем Шульце-Наумбургом (1869-1949) в его дом в замке Заалек, благодаря чему Дарре смог написать свою вторую программную книгу «Новая аристократия крови и почвы» (Neuadel aus Blut und Boden). Благодаря своим обеим книгам и последующим статьям Дарре стал широко известен.

Консервативное это немного не то же самое, что национальное, а национальное тоже не идентично с национал-социалистическим, но если исследовать предысторию арийской родословной 1933 года, то было бы достаточно проследовать за всеми влияниями, которые оказали воздействие на Дарре, и потом в свою очередь добраться и до истоков этих влияний, чтобы получить правильное представление.

Уже за несколько лет до появления книги «Новая аристократия крови и почвы» Дарре вместе со своим будущим сотрудником доктором Хорстом Рехенбахом создал союз для образования благородного немецкого крестьянства, который потерпел неудачу. Если еще и раньше были подобные побуждения (например, у Виллибальда Хенчеля), попытки, в том числе в виде создания поселений, в ко-

торых на практике пробовали заняться выведением людей, то к концу двадцатых годов такие секты «человеководства» распространяются значительно шире. Например, у Немецкого ордена в 1921 году было уже примерно 600 членов в 33 гильдиях. Во время испытательного срока каждый друг Ордена, желающий вступить в него, должен был предоставить свою родословную с данными о четырех бабушках и дедушках. Перед вступлением в члены Немецкого ордена эту родословную нужно было дополнить, по меньшей мере, до восьми прадедов и прабабушек и передать ее для хранения в ларце родов Ордена, в котором содержались также изображения членов Ордена. Немецкий орден отвергал любую общность, которая в качестве цели своих стремлений ставила все человечество выше национальной немецкой самобытности. В 1928 году было создано «Нордическое посредническое бюро». Оно опубликовало в журналах «Раса и народ», «Обновление Германии» и «Солнце» следующее объявление. «Нордические люди, у которых нет возможности найти равноценных, с хорошей наследственностью супругов... могут обращаться за бесплатной консультацией в Нордическое посредническое бюро». За этим предприятием стоял Ганно Конопаки-Конопат, редактор «Солнца» и руководитель «Нордического кольца» (позже Геббельс назначил его руководителем отдела искусств гау Большого Берлина). Совместно с «Союзом за немецкий народный дух и исследования рас» и «Младо-нордическим союзом» он в 1928 году устроил большой конкурс нордических родословных. «Германское брачное бюро» помогало немецким девушкам познакомиться с достойными и ценными в плане наследственности юношами. К родовым союзам в национальном духе относился также связанный с Немецким орденом союз рода Хункель. В 1927 году под Дрезденом вождь «Артаманов» Кенстлер и другие основали «Союз Страна детей», который хотел строить жилье для детей «нордической расы». Похожие цели преследовало с 1919 года «Немецкое сестринство» (что-то вроде предшественника более позднего «Источника жизни» (Lebensborn e.V.) Генриха Гиммлера).

Также старое дворянство было охвачено этим духовным движением, и принц Вильгельм Карл фон Изенбург (1903-1956), в будущем профессор генеалогии в Мюнхене, призывал *«хранить в чистоте благородные наследные линии»*. Поэтому каждый дворянин должен был внести себя в *«Железную книгу немецкого дворянства немецкого рода»*. *«Собрание дворянства в Эдде это единственное средство поглотить уже проникшие в дворянство капли расово-несовместимой для нас, немцев, крови... или препятствовать ее распространению в дворянстве»*. С 1918 года Немецкое дворянское собрание требовало от своих членов арийской родословной.

Также среди юристов еще с 1890-х годов присутствовали генераторы идей законодательства 1933 года. *«Буквально золотой жилой являются, например, следующие журналы: 'Немецкий мир', выходил в 1898-1917; 'Страж немецкого народа', 1913-1927; 'Политико-антропологическое ревю', 1902-1919; 'Обновление Германии', в 1917... Во всех упомянутых журналах есть большое число статей, показывающих нам, как и по каким признакам был собран материал, который привел, в конечном счете, к появлению правовых воззрений национал-социализма... Заслуга умершего в 1931 году директора земельного суда доктора Карла Фёрстера состоит в том, что основанный им в 1921 году обмен списками предков (теперь Общность немецких предков) представил генеалогическое доказательство сильного кровного родства живущих теперь членов немецкого народа».*

В 1919 году А. Гобард в издаваемых Союзом немецко-национальных юристов «Сообщениях о немецком праве и правовой жизни» опубликовал трактат о «статьях о родовом праве», где он практически предсказал Нюрнбергские законы и закон о наследственном крестьянском дворе. Накануне захвата власти национал-социалистами отставной майор Виктор Хюльзен (член союза Кёрнера) опубликовал работу под названием «Генеалогия и политика в рамках немецкой государственной политики. О воздействии государственного закона о биологической наследственности. Основополагающий труд Народного союза за немецкую семью», Лейпциг, А. Кляйн, 1932. То, чего он требует, например, *«знания предков как общего культурного достояния в воздействии государственного закона»* станет реальностью уже несколько месяцев спустя, пусть даже требование (на стр. 15): *«Тот, кто подтверждает своих предков, пользуется налоговыми льготами. Эти налоговые льготы различаются по мере подтвержденного знания предков. С этим доказательством нужно связать сведения о признаках собственной личности и родственников первой степени»*, заходило слишком далеко, так как даже Третий Рейх не дошел до окончательного вывода о том, чтобы *«бороться с сегодняшним хаосом в процессе зачатия»*, так как по самой природе вещей, и уже ввиду внебрачных детей нескольких партийных вождей (например, секретарша Генрих Гиммлера родила от него двух детей) не могло быть убедительных мотивов для полной унификации всего поведения, касающегося зачатия детей.

НСДАП еще в двадцатые годы требовала от своих членов доказательства чистоты крови в форме простого заявления. В начале 1930-х годов, тем не менее, в Центральной Германии личные и идейные связи в преддверии января 1933 сплетались во все более плотную сеть: В 1930 году НСДАП в Тюрингии впервые

поставила на должность министра внутренних дел своего человека в лице Вильгельма Фрика. В этом качестве Фрик пригласил расолога Ганса Гюнтера (1891-1968) на должность профессора социальной антропологии в Йене. На лекцию Гюнтера по случаю вступления в должность 15 ноября 1930 года неожиданно явился Адольф Гитлер. В том же самом году в «Тюрингском зеркале родины» появилась статья исследователя родословных Вальтера Трёге о «Наследственной гигиене, генеалогии и молодом крестьянстве», в которой можно было прочитать: *«В союзах племенных книг тщательно ведут родословные древа лошадей, конюшни систематически строятся в направлении выведения определенных пород. При закупке жеребцов самое большое внимание уделяется их происхождению, хорошему наследованию определенных желательных качеств и строения тела. При спаривании стараются никогда не сводить вместе животных слишком уж противоположных качеств и строения... Еще более явно 'прегрешение против крови' обнаруживается в собаководстве. Какой-то случайный результат, который бегаёт вокруг в своем уродстве, – это немое обвинение против расового преступления... Бедные, богатые и средние крестьяне, как правило, вступали в брак строго в соответствии с размерами их хозяйств и, крестьяне прекрасно понимали значение понятия 'крестьянский мезальянс, неравный брак', зная пусть даже не само это слово, но его смысл... Какой-то крестьянский юноша, вероятно, скрипел зубами, когда мать-крестьянка не одобряла никакого флирта. ... Но после этого он все же благодарил свою мать... Я обрадовался, когда увидел, как лютеранские священники шли по стопам их ветхозаветных предшественников и передавали своим крестьянским семьям в день серебряной или даже уже зеленой свадьбы генеалогическую таблицу их рода».* Без всяких прикрас сказано также у Германа Гауха: *«Крестьянину именно на примере выведения его домашних животных указывают на значение расового отбора и чистоты расы, и это обстоятельство также на будущее образует надежный фундамент для понимания нордической расовой идеи».*

10 мая 1930 года в замке Заалек произошла историческая встреча между Гитлером, Гессом и до тех пор беспартийным Дарре, вследствие чего Дарре было поручено возглавить всю агитацию НСДАП в деревнях или по отношению к крестьянству. Дарре, который был достаточно умен, чтобы при ведении этой направленной на широкие массы пропаганды убрать на задний план свои романтические планы на будущее, выполнил это задание настолько успешно, что сыграл весьма существенную роль в приходе национал-социалистов к власти, что открыто признавал и сам Гитлер. Благодаря этому в первые годы Третьего Рейха Дарре получил важный государственный пост «вождя имперского крестьянства», который позволил ему приступить к реализации его далеко идущих

планов практикующего «человековеда». Другой опорой его власти была возникшая дружба с Генрихом Гиммлером. Для Гиммлера, скорее организатора, чем теоретика, но с очень похожими целями, которые он сам никогда не описывал в толстых книгах и не хотел этого, Дарре оказался подходящим партнером, и у обоих был опыт в «Артаманах».

31 декабря 1931 года, т.е. в тот самый день, когда Гиммлер отдал «Приказ о помолвке и бракосочетании» СС, он пригласил Дарре одновременно на пост руководителя «Главного управления рас и поселений СС». Приказ этот разрешал бракосочетание эсесовцу только в том случае, если рейхсфюрер СС давал ему на это свое согласие. Получение разрешения на брак зависело от расовой оценки и оценки наследственного здоровья супруга, эту оценку и делало «Главное управление рас и поселений СС». В то время как Дарре хотел охватить все крестьянские семьи с наследственными крестьянскими дворами в порядке последовательности их регистрации в «Родовой книге», которая должна была стать чем-то вроде крестьянской племенной книги, СС начали создавать аналогичную родовую книгу СС. Поэтому во время обсуждения Дарре с Гиммлером 21 января 1935 года уже было принципиальное согласие об общем образе действия, и к этому моменту уже существовал полностью разработанный экземпляр перфокарты для регистрации родов. Рассчитывали в целом на один миллион семей и на 350 000 имперских марок расходов на создание объединенной картотеки.

«Мы принялись за дело подобно садоводу, который должен восстановить чистоту старого, хорошего сорта, смешавшегося с другими и выродившегося – он сначала идет через поле к так называемому селекционному отбору сортовых элитных корнеплодов. Так и мы сначала чисто внешне отсеиваем людей, которые, как мы считаем, не подходят для создания охранного отряда. Вид отбора концентрировался на выборе тех, кто физически больше всего близок к идеалу, к нордически-определенному человеку... Из года в год наши требования становятся все строже в той же степени, в какой поднимается немецкий род благодаря воздействиям немецких расовых законов и все более просыпающемуся пониманию крови и селекции. Также мы знаем, что первый отбор по внешним признакам – сегодня дополненный родословными и многократными исследованиями – это только первый отбор, что самым первым принципом отбора может быть то, что процесс отбора будет продолжаться на протяжении всех лет жизни в охранном отряде, и что должно продолжаться отсеивание непригодных для нас по складу характера, по воле, сердцу и вместе с тем по крови». За этим следует впервые сделанный в истории человечества вывод, исходящий из логи-

ки прикладного животноводства: *«С помощью законов, которые мы даем сами себе, мы хотим позаботиться о будущем всех не для того, чтобы каждый сын семьи из зарегистрированной в родовой книге СС стал кандидатом или тем более имел право сам стать эсесовцем, но хотим позаботиться о том, чтобы всегда только часть сыновей этих семей принималась и признавалась нами в СС, и будем и дальше стремиться к тому, чтобы постоянно только элита и поток самой лучшей немецкой крови всего народа мог вступать в охранные отряды... С помощью самой жесткой школы, которую каждый из нас должен пройти на протяжении всей жизни, благодаря сдаваемым год за годом проверкам достижений, мы постараемся, чтобы мужество и воля к борьбе каждого отдельного человека... подвергались испытанию... . Я могу заверить вас, что это не случайность, что вождь имперского крестьянства Германской империи с давних пор принадлежит к СС в качестве руководителя и как обергруппенфюрер является руководителем этого Главного управления рас и поселений, и также не случайно, что я сам крестьянин и вхожу в Имперский крестьянский совет».*

То, что такой ориентированный на достижения селекционный орден – примерно 50 000 человек в момент захвата власти – должен был стать воплощенной противоположностью коммунизма, с неизбежностью следует из этого. Другим антиподом проекта, но втайне также его образцом, было развитие еврейства, члены которого ввиду социального гнета на протяжении многих веков в каждом поколении снова и снова оказывались и оказываются перед выбором: то ли оставаться верующими иудеями и сохранить свою идентичность, то ли ассимилироваться и тем самым покинуть еврейство (однако при этом внешние физические признаки не играли существенной роли). С учетом этих знаний профессор доктор Ганс Фриденталь, сам еврей, в своем докладе перед «Обществом еврейской генеалогии» в Берлине 24 марта 1926 года произнес следующее: *«Слово «раса» согласно этимологическому словарю Клюге происходит из арабского языка, оттуда оно с пятнадцатого столетия из Португалии через Англию и Францию попало в Германию... Слово «раса» употребляется животноводами-селекционерами в том смысле, чтобы обозначить сумму индивидуумов, которые отбираются человеком по определенным принципам, чтобы достигнуть определенной людьми цели селекции... Могло ли бы человечество поставить себе лучшую цель, нежели стремиться к созданию человека, который был бы одновременно добр и умен, здоров и красив?... Путь к достижению этой цели был бы таким же, что и в случае с животными... Пусть даже только некоторые немногие экземпляры среди человечества хотели бы начать эту расовую селекцию, все равно уже можно было бы говорить о начале появления культурной расы».*

Способность понимать расу также как возможный результат политического волеизъявления, было полностью в духе времени. И этнографы, и антропологи фотографиями и описаниями африканских воинов масаев и нубийцев пробуждали мысль, что речь в этом случае могла бы идти о реальности. Автор «Немецко-национального катехизиса» 1931 года совершил фундаментальную ошибку, когда писал: *«В далеком будущем, вероятно, через пятьдесят или сто лет, когда человечество уйдет вперед несколько дальше, чем оно находится сегодня, люди, наверное, с безграничным удивлением будут читать о существовании перечисленных ниже союзов и организаций (о которых идет речь в книге) и об их воззрениях... Они, вероятно, будут склонны думать, что речь шла... о порождениях фантазии... Организации, которые рассматриваются здесь, обусловлены временем, они являются временными явлениями».*

В 1933 году эти «временные явления» пришли к власти и утратили ее только через двенадцать лет, последние из которых были весьма горькими. Но тот, кто считает, что на этом существование таких организаций и идейных направлений закончилось, снова ошибается. Они пережили 1945 год или были основаны заново. Они существовали и существуют не только в немецкоязычных странах, но и в ареалах многих других культур. Как правило, речь идет о взглядах, которым следуют лишь маленькие меньшинства. Особенность 1933 года в Германской империи состоит в том, что самые различные течения влились в объединяющее движение, которое нашло исключительно способного вождя, умевшего своей риторической харизмой связать надежды потрясенного военным унижением, экономической нуждой и политическим разочарованием большого народа. В тени этого вождя обосновалась власть Дарре и Гимmlера, из которой произросла роль генеалогии в Третьем Рейхе.

«Так мы встали в строй и маршируем в соответствии с неизменными законами как национал-социалистический, солдатский орден избранных нордических мужчин и как связанная клятвой общность их родов, по пути в далекое будущее, и желаем, и верим, что мы хотели бы стать не только внуками, которые лучше закончат борьбу, но, сверх того, предками будущих поколений, необходимых для вечной жизни немецкого германского народа». Так звучал «вечный приказ на марш», который пытался отдать СС Генрих Гимmlер.

Действительность деятельности генеалогических союзов скорее была иной. Вюльфрат раздраженно констатировал в 1941 году: *«К сожалению, части старых генеалогических сообществ вообще никак не удалось направить в правильное русло интерес к генеалогии, вызванный требованием предоставления дока-*

зательств арийского происхождения; генеалогия еще больше деградировала до обычного собирания данных. Недавно самый положительный тип исследователей родов совершенно неполемическим образом сравнили с филателистами. Коллекционеров по духу притягивает характеристика родословной, точно установленное число людей... Итак, коллекционер стремится заполнить пустые места, как в альбоме для марок. Если это ему удастся, то он испытывает радость собирателя. У него уже тогда нет потребности узнать о своих предках что-либо еще, помимо обычных сведений о рождении, смерти и бракосочетании».

Об авторе: Фолькмар Вайс (родился 23 мая 1944 г. в Цвикау) – немецкий генетик, социальный историк и генеалог.

После получения аттестата зрелости в 1962 году в Аннаберг-Буххольце Вайс с 1963 года изучал германистику, географию и биологию в Лейпциге. С 1968 он получал специальное образование по антропологии в Университете Гумбольдта в Берлине. В 1969 он приступил к исследованию социального происхождения одаренных математиков в ГДР, и был принят в отделение социологии Академии Наук. В 1970 году он получил от Университета Гумбольдта диплом по биологию, в 1972 году получил ученую степень доктора естественных наук. В 1974 году Вайс перевелся в Лейпциг в Немецкий институт физкультуры. С 1977 года он работал в отделении образовательной социологии Центрального института исследования проблем молодежи. В 1984 году стал сотрудником исследовательского отдела региональной истории Центрального института истории Академии Наук ГДР в Берлине. Здесь он написал докторскую диссертацию о социальной истории Саксонии, которую защитил в 1993 году. В 1990 стал руководителем Немецкого центрального отделения генеалогии в Лейпциге, которое в 1995 году было подчинено в качестве отдела Саксонскому главному государственному архиву в Лейпциге. С 2008 года Вайс на пенсии.

Д-р Вайс является сторонником тезиса, что различия человеческого интеллекта в существенной степени можно объяснить вариацией гена и правилами наследования Менделя. Влияние социальных и полигенетических факторов, на его взгляд, является только вторичным. Социальные классы и этносы, по мнению Вайса, отличаются разными средними значениями коэффициента интеллекта, одной из причин чего он считает, среди прочего, распределение генных вариантов в пределах этих групп. Тезисы Вайса с точки зрения общепринятой науки занимают лишь маргинальную позицию.

Из результатов его исследований интеллекта он делает конкретные выводы, касающиеся вопросов образования, меньшинств, миграции и этнической политики. Его доклады и статьи на тему отношения генетики и биологии к обществу преимущественно отвергаются общественностью, вплоть до упреков, что речь у него идет якобы о «генетике в национал-социалистической традиции». В политическом плане д-р Вайс является сторонником крайне правых.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).